

Возникновение университетов

Чарльз Гомер Хаскинс

THE
RISE OF UNIVERSITIES

CHARLES HOMER HASKINS

The Project Gutenberg eBook of The Rise of Universities.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: The Rise of Universities

Автор: Чарльз Гомер Хаскинс

Дата выхода: 29 октября 2020 [eBook #63574]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Авторские права: Тим Линделл, Дэвид Э. Браун и команда онлайн-отправки Proofreading Team at <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/American Libraries.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE RISE OF UNIVERSITIES ***

ЛЕКЦИИ КОЛВЕРА В БРАУНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
1923

ВОЗНИКНОВЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ
ЧАРЛЬЗ Х. ХАСКИНС

ЛЕКЦИИ КОЛВЕРА

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ, КАК ЕЕ ВИДИТ БИОЛОГ

Вернон Келлог

Опубликовано
ГЕНРИ ХОЛТ И КОМПАНИЯ

BROWN UNIVERSITY. THE COLVER LECTURES, 1923

THE RISE OF UNIVERSITIES

BY

CHARLES HOMER HASKINS

GURNEY PROFESSOR OF HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

DEAN OF THE GRADUATE SCHOOL OF ARTS AND SCIENCES

HARVARD UNIVERSITY

NEW YORK

HENRY HOLT AND COMPANY

1923

КОРИЧНЕВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ. ЛЕКЦИИ КОЛВЕРА, 1923 ГОД

СТАНОВЛЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ

ЧАРЛЬЗ ГОМЕР ХАСКИНС

ПРОФЕССОР ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ ГУРНИ

ДЕКАН ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ИСКУССТВ И НАУК
ГАРВАРДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

НЬЮ-ЙОРК
ГЕНРИ ХОЛТ И КОМПАНИЯ
1923

Авторское право, 1923 год
Брауновским университетом

ОТПЕЧАТАНО В
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

МОИМ СТУДЕНТАМ
В ТРЕХ УНИВЕРСИТЕТАХ
1888-1923

Лекции Колвера предоставляются фондом в размере 10 000 долларов, подаренным Университету мистером и миссис Джесси Л. Розенбергер из Чикаго в память об отце миссис Розенбергер, Чарльзе К. Колвере, выпускнике 1842 года. Следующие фразы из письма, сопровождающего подарок, объясняют цели фонда: - "Желательно, чтобы до тех пор, пока это не станет возможным, фонд не был создан.

"Желательно, чтобы, насколько это возможно, для этих лекций выбирались только предметы особой важности и лекторы, выдающиеся в науке или обладающие другой высокой квалификацией. Желательно, чтобы лекции были своеобразным и ценным вкладом в человеческое знание, известным скорее своим качеством, чем количеством". Доход или часть дохода, не используемая для чтения лекций, может быть использована для публикации любой из лекций, которую сочтут желательной".

Чарльз Кендрик Колвер (1821-1896) был выпускником Брауновского университета 1842 года. Некролог университета писал о нем: "Он отличался широкой и точной ученостью, непоколебимой личной честностью, отстаиванием истины и послушанием Богу в повседневной жизни. Он был очень прост и несерьезен по характеру".

Лекции, опубликованные в этой серии, следующие

1916

Американская концепция свободы и правительства", Фрэнк Джонсон Гудноу, доктор права, президент Университета Джона Хопкинса.

[viii]1917

Медицинские исследования и благосостояние человека, автор В. В. Кин, доктор медицины, доктор права (Браун), почетный профессор хирургии, Медицинский колледж Джефферсона, Филадельфия.

1918

Ответственное государство: Пересмотр фундаментальных политических доктрин в свете мировой войны и угрозы анархизма, Франклин Генри Гиддингс, доктор философии, профессор социологии и истории цивилизации в Колумбийском университете; профессор политологии в Брин-Мавр-колледже.

1919

Демократия: Дисциплина: Мир, Уильям Роско Тайер.

1920

Плимут и пилигримы", Артур Лорд.

1921

Человеческая жизнь, как ее видит биолог", Вернон Келлог, доктор наук, доктор права, секретарь Национального исследовательского совета, профессор Стэнфордского университета.

1922

Возникновение университетов", Чарльз Х. Хаскинс, доктор философии, доктор права, доктор литературы, профессор истории и политологии, декан Высшей школы искусств и наук Гарвардского университета.

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦЫ
I. Древнейшие университеты	3-36
Введение	3
Болонья и Юг	10
Париж и север	19
Средневековое наследство	31
II. Средневековый профессор	37-78
Исследования и учебники	37

Преподавание и экзамены	54
Академический статус и свобода	68
III. Средневековый студент	79-126
Источники информации	79
Учебники для студентов	89
Письма студентов	102
Студенческие стихи	111
Заключение	120
Библиографическое примечание	127-130
Указатель	131-134

СТАНОВЛЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ

РОСТ УНИВЕРСИТЕТОВ

I САМЫЕ РАННИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Университеты, как и соборы и парламенты, - продукт Средневековья. У греков и римлян, как ни странно, не было университетов в том смысле, в котором это слово используется последние семь или восемь веков. У них было высшее образование, но эти термины не являются синонимами. Многие из того, что они преподавали в области права, риторики и философии, трудно превзойти, но это не было организовано в виде постоянных учебных заведений. Такой великий учитель, как Сократ, не выдавал дипломов; если бы современный студент просидел у его ног три месяца, он бы потребовал сертификат, что-то осязаемое и внешнее, чтобы показать это - отличная тема, кстати, для сократовского диалога. Только в XII и XIII веках в мире появляются те черты организованного образования, с которыми мы наиболее хорошо знакомы, весь этот механизм обучения, представленный факультетами и колледжами, курсами обучения, экзаменами, выпускными экзаменами и учеными степенями. Во всех этих вопросах мы являемся наследниками и продолжателями не Афин и Александрии, а Парижа и Болоньи.

Контраст между этими ранними университетами и современными, конечно, велик и разителен. На протяжении всего периода своего существования средневековый университет не имел ни библиотек, ни лабораторий, ни музеев, ни собственного фонда, ни зданий; он не мог соответствовать требованиям Фонда Карнеги! Как говорится в учебнике

истории одного из самых молодых американских университетов, с неосознанным оттенком местного колорита, у него не было "ни одного из атрибутов материального существования, которые для нас столь очевидны". Средневековый университет был, по прекрасному выражению Паскье, "построен из людей" - *bâtie en hommes*. В таком университете не было попечительского совета и не издавался каталог; в нем не было студенческих обществ - за исключением тех случаев, когда сам университет был по сути обществом студентов, - не было студенческой журналистики, драматического искусства, атлетики, ничего из тех "внешних занятий", которые являются главным оправданием внутренней бездеятельности в американском колледже.

И все же, как бы ни были велики эти различия, факт остается фактом: университет двадцатого века - прямой потомок средневековых Парижа и Болоньи. Они - скала, из которой мы были вытесаны, яма, из которой мы были вырыты. Фундаментальная организация та же, историческая преемственность не нарушена. Они создали университетскую традицию современного мира, ту общую традицию, которая принадлежит всем нашим высшим учебным заведениям, как самым новым, так и самым старым, и которую должны знать и лелеять все студенты колледжей и университетов. Происхождение и природа этих самых ранних университетов - тема этих трех лекций. В первой лекции речь пойдет об университетских учреждениях, во второй - об университетском обучении, в третьей - о жизни студентов.

В последние годы ранняя история университетов стала привлекать серьезное внимание ученых-историков, и средневековые учебные заведения наконец-то были выведены из области мифов и басен, где они долгое время оставались непонятыми. Теперь мы знаем, что основание Оксфордского университета не было одной из многих добродетелей, которые тысячелетний праздник мог бы должным образом приписать королю Альфреду; что Болонья не восходит к императору Феодосию; что Парижский университет не существовал ни во времена Карла Великого, ни в течение почти четырех веков после него. Даже современному миру трудно осознать, что многие вещи не имели основателя или фиксированной даты начала, а "просто росли", возникая медленно и бесшумно, без определенных записей. Это объясняет, почему, несмотря на все исследования отца Денифла, декана Рэшдалла и местных антикваров, истоки старейших университетов остаются неясными и зачастую неопределенными, так что нам приходится довольствоваться порой весьма общими утверждениями.

Поводом для возникновения университетов послужило великое возрождение образования, но не то возрождение четырнадцатого и пятнадцатого веков, к которому обычно применяют этот термин, а более раннее, менее известное, хотя и не менее значимое, которое историки сегодня называют ренессансом двенадцатого века. До тех пор пока знания ограничивались семью гуманитарными искусстваами раннего Средневековья, университеты существовать не могли, поскольку нечего было преподавать за пределами голых элементов грамматики, риторики, логики и еще более грубых понятий арифметики, астрономии, геометрии и музыки, что вполне подходило для академической учебной программы. Однако между 1100 и 1200 годами в Западную Европу хлынул поток новых знаний, частично через Италию и Сицилию, но главным образом через арабских ученых Испании - труды Аристотеля, Евклида, Птолемея и греческих врачей, новая арифметика и те тексты римского права, которые оставались скрытыми в течение Темных веков. В дополнение к элементарным положениям о треугольнике и круге Европа теперь имела те книги по плоской и твердой геометрии, которые с тех пор несут службу в школах и колледжах; вместо мучительных операций с римскими

цифрами - в чем можно легко убедиться, попытавшись решить простую задачу умножения или деления с помощью этих знаков, - теперь можно было легко работать с арабскими цифрами; вместо Боэция "учитель тех, кто знает" стал учителем Европы в логике, метафизике и этике. В юриспруденции и медицине люди теперь обладали всей полнотой античной образованности. Это новое знание разорвало узы соборных и монастырских школ и создало ученые профессии; оно влекло через горы и узкие моря молодых людей, которые, подобно оксфордскому клерку Чосера более позднего времени, "с удовольствием учились и с удовольствием преподавали", чтобы сформировать в Париже и Болонье те академические гильдии, которые дали нам наше первое и лучшее определение университета, общества мастеров и ученых.

В этом общем утверждении, касающемся двенадцатого века, есть одно частичное исключение - медицинский университет в Салерно. Здесь, в одном дне пути к югу от Неаполя, на территории сначала лангобардов, а затем норманнов, но все еще в тесном контакте с греческим Востоком, уже в середине одиннадцатого века существовала школа медицины, и в течение, возможно, двухсот лет после этого она была самым известным медицинским центром в Европе. В этом "городе Гиппократата" медицинские труды древних греков были изложены и даже развиты со стороны анатомии и хирургии, а его учения были сгущены в краткие максимы гигиены, которые до сих пор не утратили своей популярности - "после обеда пройдите милую" и т.д. Об академической организации Салерно мы ничего не знаем до 1231 года, и когда в этом году стандартизирующая рука Фридриха II регулировала его степени, Салерно уже был отдален новыми университетами дальше на север. Важный для истории медицины, он не оказал никакого влияния на рост университетских институтов.

Если Салернский университет старше по времени, то Болонский занимает гораздо большее место в развитии высшего образования. И если Салерно был известен только как медицинская школа, то Болонья была многогранным учреждением, хотя наиболее примечательна как центр возрождения римского права. Вопреки распространенному мнению, римское право не исчезло с Запада в раннем Средневековье, но его влияние значительно уменьшилось в результате германских вторжений. Бок о бок с германскими кодексами римское право сохранилось как обычное право римского населения, известное уже не по великим сводам законов Юстиниана, а по элементарным руководствам и формулярам, которые с течением времени становились все тоньше и примитивнее.

Дигесты, самая важная часть *Corpus Juris Civilis*, исчезают из поля зрения между 603 и 1076 годами; сохранилось только две рукописи; по выражению Мейтланда, они "едва спаслись". Изучение права если и продолжалось, то только как обучение составлению документов, форма прикладной риторики. Затем, в конце одиннадцатого века, в тесной связи с возрождением торговли и городской жизни, произошло возрождение права, предвещавшее ренессанс последующего столетия. Это возрождение можно проследить более чем в одной точке Италии, возможно, не в первую очередь в Болонье, но здесь оно вскоре нашло свой центр по географическим причинам, которые тогда, как и сейчас, сделали этот город точкой пересечения главных путей сообщения в Северной Италии. За некоторое время до 1100 года мы слышим о профессоре по имени Пепо, "ярком и сияющем свете Болоньи"; к 1119 году мы встречаем фразу *Bononia docta*. В Болонье, как и в Париже, великий учитель стоит у истоков развития университета. Учителем, создавшим Болонье ее репутацию, был некто Ирнерий, возможно, самый известный из многих великих профессоров права в Средние века. То, что он писал и чему учил, до сих пор является предметом споров среди ученых, но, похоже, он закрепил метод "глоссирования" правовых текстов на основе комплексного использования всего *Corpus Juris*, в отличие от скудных эпитомов предыдущих веков, полностью и окончательно отделив римское право от риторики и утвердив его в качестве предмета

профессионального изучения. Затем, около 1140 года, Грациан, монах из Сан-Феличе, написал *Декретум*, который стал стандартным текстом канонического права, тем самым выделив его из теологии в отдельный предмет высшего образования; и преобладание Болоньи в качестве юридической школы было полностью обеспечено.

Появилось студенческое сословие, выражавшее себя в переписке и поэзии, и к 1158 году оно стало достаточно значимым в Италии, чтобы получить официальное разрешение на права и привилегии от императора Фридриха Барбароссы, хотя конкретный город или университет не упоминается. К этому времени Болонья стала местом пребывания сотен студентов, причем не только из Италии, но и из-за Альп. Вдали от дома и без защиты они объединились для взаимной защиты и помощи, и эта организация иностранных, или трансмонтанских, студентов положила начало университету. В этом объединении они, по-видимому, следовали примеру гильдий, уже распространенных в итальянских городах. Действительно, слово университет первоначально означало такую группу или корпорацию в целом, и только со временем оно стало обозначать только гильдии магистров и студентов, *universitas societas magistrorum discipulorumque*. Исторически слово "университет" не имеет никакой связи со вселенной или универсальностью обучения; оно обозначает лишь совокупность группы, будь то цирюльники, плотники или студенты, не имеет значения. Студенты Болоньи организовали такой университет прежде всего как средство защиты от горожан, ведь цены на комнаты и предметы первой необходимости быстро росли с притоком новых жильцов и потребителей, а отдельный студент был бессилен против такой наживы. В Соединенных Штатах студенты могли примириться с городом, угрожая покинуть его как единое целое, отделиться, ведь университет, не имея зданий, мог свободно перемещаться, и в истории есть много примеров таких миграций. Лучше снимать комнаты за меньшую плату, чем не снимать их вовсе, и поэтому студенческие организации добились права устанавливать цены на жилье и книги через своих представителей.

Одержав победу над горожанами, студенты обратились к "другим своим врагам - профессорам". Здесь угрозой стал коллективный бойкот, а поскольку поначалу мастера жили исключительно за счет платы своих учеников, эта угроза оказалась не менее действенной. Профессор брал на себя обязательство следовать подробному своду правил, которые гарантировали его ученикам ценность денег, уплаченных каждым из них. В самом раннем уставе (1317 год) мы читаем, что профессор не мог отсутствовать без отпуска даже один день, а если он хотел покинуть город, то должен был внести залог, гарантирующий его возвращение. Если ему не удавалось собрать пять слушателей на обычную лекцию, он штрафовался как отсутствующий - некачественная лекция, которая не смогла собрать пять слушателей! Он должен был начинать лекцию со звонком и заканчивать в течение одной минуты после следующего звонка. Ему не разрешалось пропускать главу в своем комментарии или откладывать трудность на конец часа, и он был обязан систематически освещать тему, столько-то в каждом конкретном семестре года. Никто не мог потратить целый год на введение и библиографию! Принуждение такого рода предполагает эффективную организацию студенческого коллектива, и мы слышим о двух и даже четырех университетах студентов, каждый из которых состоит из "наций" и возглавляется ректором. Болонья, безусловно, была студенческим университетом, и итальянские студенты до сих пор склонны требовать права голоса в университетских делах. Когда я впервые посетил университет Палермо, он только-только оправился от бунта, в ходе которого студенты разбили окна в здании, требуя более частых, а значит, менее всеобъемлющих экзаменов. На седьмом столетии Падуи в мае прошлого года студенты практически захватили город, организовав собственную программу шествий и церемоний, устроив столько шума и

беспорядков, что едва не сорвали самые торжественные мероприятия и не разбили окна в самом большом зале города.

Исключенные из "университетов" студентов, профессора также образовывали гильдии или "коллегии", требуя для поступления в них определенной квалификации, которая определялась путем экзаменов, так что ни один студент не мог поступить туда иначе, как с согласия гильдии. А поскольку умение преподавать предмет является хорошим критерием его знания, студент стал стремиться получить лицензию профессора как свидетельство о прохождении обучения, независимо от своей будущей карьеры. Этот сертификат, лицензия на преподавание (*licentia docendi*), стал, таким образом, самой ранней формой академической степени. Наши высшие степени до сих пор сохраняют эту традицию в словах "магистр" (*magister*) и "доктор" (*doctor*), которые изначально были синонимами, а у французов даже есть *лицензия*. Магистр искусств был квалифицирован для преподавания гуманитарных наук; доктор права - дипломированный преподаватель права. А амбициозный студент добивался этой степени и читал вступительную лекцию, даже если он прямо отказывался от намерения продолжать преподавательскую деятельность. Уже в Болонье мы узнаем стандартные академические степени, а также университетскую организацию и известных чиновников, таких как ректор.

Со временем появились и другие предметы обучения: искусства, медицина, теология, но Болонья была прежде всего школой гражданского права, и в этом качестве она стала моделью университетской организации для Италии, Испании и южной Франции - стран, где изучение права всегда имело не только академическое, но и политическое и социальное значение. Некоторые из этих университетов стали конкурентами Болоньи, например, Монпелье и Орлеан, а также итальянские школы, расположенные ближе к дому. Фридрих II основал Неаполитанский университет в 1224 году, чтобы студенты его сицилийского королевства могли посещать гибеллинскую школу у себя дома, а не в гвельфском центре на севере. Соперница Падуя была основана двумя годами раньше как отделение от Болоньи, и только в прошлом году, по случаю семисотлетия Падуи, я видел, как древняя вражда была исцелена поцелуем мира, дарованным ректору Болоньи под бис десяти тысяч зрителей. Однако Падуя едва ли сравнялась с Болоньей в наше время, хотя в более поздний период Порция послала туда за юридическим авторитетом, и хотя университет все еще сияет славой Галилея.

В Северной Европе истоки университетов следует искать в Париже, в соборной школе Нотр-Дам. К началу двенадцатого века во Франции и Низких странах обучение уже не ограничивалось монастырями, а наиболее активно развивалось в школах при соборах, самыми известными из которых были Льеж, Реймс, Лаон, Париж, Орлеан и Шартр. Самой известной из этих школ свободных искусств была, вероятно, Шартрская, которую отличали такой канонист, как Сент-Ив, и такие знаменитые учителя классики и философии, как Бернар и Тьерри. Уже в 991 году монах из Реймса Ришер описывает тяготы своего путешествия в Шартр, чтобы изучить *афоризмы* Гиппократ Косского; а в XII веке Иоанн Солсберийский, ведущий северный гуманист эпохи, оставил нам рассказ о мастерах, который мы позже будем иметь возможность процитировать. Нигде сегодня мы не можем так легко перенестись в соборный город двенадцатого века, мирный город, в котором, как и тогда, по-прежнему доминирует церковь,

обширный покой монастыря.

Безмолвный и серый, как поросшая лесом скала.

Ушедший вглубь суши из-за медленного отступления океана,

...терпеливо удаленный

От великих приливов и отливов жизни, которые он когда-то принимал грудью,

Слыша шум людей, как во сне.

К тому времени, когда собор был завершен, с его "посвященными фигурами святых и королей", он перестал быть интеллектуальным центром первой важности, его затмил Париж, расположенный в пятидесяти милях от него, так что Шартр так и не стал университетом.

Преимущества Парижа были отчасти географическими, отчасти политическими, поскольку он был столицей новой французской монархии, но кое-что следует отнести на счет влияния великого учителя в лице Абеляра. Этот блестящий молодой радикал, с его настойчивыми вопросами и скупым уважением к титулованным авторитетам, привлекал большое количество учеников, где бы он ни преподавал, в Париже или в пустыне. В Париже он был связан с церковью Мон-Сен-Женевьев дольше, чем с соборной школой, но посещение Парижа стало в его время привычкой, и таким образом он оказал значительное влияние на становление университета. В институциональном смысле университет стал прямым следствием школы Нотр-Дам, один лишь канцлер которой имел право выдавать лицензии на преподавание в епархии и таким образом сохранял контроль над присуждением университетских степеней, которые здесь, как и в Болонье, изначально были учительскими сертификатами. Первые школы находились в пределах собора на Иль-де-ла-Сите, в том запутанном квартале вокруг Нотр-Дам, который изобразил Виктор Гюго и который уже давно снесен. Чуть позже мы видим мастеров и ученых, живущих на Малом мосту (Пти-Пон), который соединял остров с левым берегом Сены - этот мост дал название целой школе философов, Парвипонтани, - но к тринадцатому веку они перебрались на Левый берег, ставший впоследствии Латинским кварталом Парижа.

В какой момент Париж перестал быть соборной школой и стал университетом, никто не может сказать, хотя это точно было до конца двенадцатого века. Однако университеты любят отмечать точные даты, и Парижский университет выбрал 1200 год - год своей первой королевской хартии. В том году, после того как несколько студентов были убиты в драке между городом и городом, король Филипп Август издал официальную привилегию, которая наказывала его прево и признавала освобождение студентов и их слуг от мирской юрисдикции, создавая тем самым то особое положение студентов перед судом, которое еще не полностью исчезло из мировой практики, хотя в целом из ее законодательства. Более конкретной была первая папская привилегия, булла *Parens scientiarum* 1231 года, изданная после двух -летнего перерыва в лекциях, вызванного беспорядками, в ходе которых группа студентов, найдя "вино, которое хорошо и сладко пить", избила хозяина таверны и его друзей, а те в свою очередь пострадали от прево и его людей - раздор, в котором тринадцатый век явно видел руку дьявола. Подтверждая существующие исключения, папа далее регулирует усмотрение канцлера при выдаче лицензии, в то же время признавая право магистров и студентов "принимать конституции и постановления, регулирующие способ и время проведения лекций и диспутов, костюм, который следует носить", присутствие на похоронах магистров, лекции бакалавров, обязательно более ограниченные, чем у полноправных магистров, цены на жилье и принуждение членов. Студенты не должны носить оружие, и только те, кто регулярно посещает школы, должны пользоваться освобождением

от обязанностей студентов, что на практике означает посещение не менее двух лекций в неделю.

Хотя слово "университет" в этих документах не встречается, оно считается само собой разумеющимся. Университет в смысле организованной группы магистров существовал уже в двенадцатом веке; к 1231 году он превратился в корпорацию, поскольку Париж, в отличие от Болоньи, был университетом магистров. Теперь в нем было четыре факультета, каждый из которых подчинялся декану: искусств, канонического права (гражданское право было запрещено в Париже после 1219 года), медицины и теологии. Магистры искусств, гораздо более многочисленные, чем остальные, были объединены в четыре "нации": французскую, включающую латинские народы; нормандскую; пикардскую, включающую также Низкие страны; и английскую, включающую Англию, Германию, север и восток Европы. Эти четыре нации выбирали главу университета, ректора, как его до сих пор принято называть на континенте, чей срок, однако, был коротким, впоследствии составляя всего три месяца. Если судить по сохранившимся протоколам, большая часть времени наций была посвящена потреблению платы, взимаемой с новых членов и новых офицеров, или, как это называлось, пропиванию излишков - в "Двух шпагах" у Пти-Пон, у знака Богоматери на улице С.-Жак, в "Лебеде", "Соколе", "Гербе Франции" и в десятках подобных мест. На основе записей одной только английской нации можно написать утонченную монографию о тавернах средневекового Парижа. Искусственное формирование наций, похоже, скорее поощряло, чем уменьшало вражду и соперничество между различными регионами, представленными в Париже, о которых Жак де Витри оставил классическое описание:^[1]

"Они ссорились и спорили не только о различных сектах или о некоторых дискуссиях; различия между странами также вызывали раздоры, ненависть и яростную вражду между ними, и они дерзко произносили всевозможные оскорбления в адрес друг друга. Они утверждали, что англичане - пьяницы и хвостатые, а сыновья Франции - гордые, слабоумные и тщательно украшенные, как женщины. Они говорили, что немцы неистовствуют и непристойны на своих пирах; норманны тщеславны и хвастливы; пуатевинцы - предатели и вечные авантюристы. Бургундцев они считали вульгарными и глупыми. Бретонцы слыли непостоянными и изменчивыми, их часто упрекали в смерти Артура. Лангобардов называли скупыми, порочными и трусливыми; римлян - мятежными, буйными и клеветническими; сицилийцев - тираническими и жестокими; жителей Брабанта - людьми крови, поджигателями, разбойниками и грабителями; фламандцев - непостоянными, блудливыми, обжорами, уступчивыми, как масло, и ленивыми. После таких оскорблений, от слов они часто переходили к ударам".

Еще один университетский институт, восходящий к Парижу XII века, - это коллеж. Изначально представлявший собой просто богадельню или зал для проживания, колледж рано стал устоявшейся единицей академической жизни во многих университетах. "Целью первых основателей колледжей было просто обеспечить пансион и жилье для бедных ученых, которые не могли платить за это сами", но со временем колледжи стали нормальными центрами жизни и преподавания, вобрав в себя большую часть деятельности университета. У колледжей были здания и фонды, если у университета их не было. В Париже колледж существовал уже в 1180 году, к 1500 году их было шестьдесят восемь, и система просуществовала до самой революции, оставив после себя лишь фрагменты зданий или местные названия, как, например, сегодняшняя Сорбонна - единственное воспоминание о том самом Коллеж де ла Сорбонна, основанном для богословов исповедником Святого Людовика в тринадцатом веке. Многие другие континентальные университеты имели свои колледжи, один из которых, древний Испанский колледж в Болонье, до сих пор сохранился

для улады немногих испанских юношей, которые добираются до его тихого двора. Но, конечно, окончательной родиной колледжа стали Оксфорд и Кембридж, где он стал наиболее характерной чертой университетской жизни, присвоив себе практически все преподавание, а также руководство общественной жизнью, пока университет не стал просто экзаменационным органом и органом, присуждающим ученые степени. Здесь старые колледжи, такие как Баллиол, Мертон и Питерхаус, датируются тринадцатым веком.

В Средние века Париж занимал ведущее положение как школа теологии, а поскольку теология была высшим предметом изучения в Средневековье, ее называли "мадам высокой науки", это означает, что он занимал ведущее положение как университет. "У итальянцев есть папство, у немцев - империя, а у французов - образование", - гласит старая поговорка; и избранной обителью образования стал Париж. Вполне естественно, что Париж стал источником и образцом для северных университетов. Оксфорд отделился от этой родительской ветви в конце двенадцатого века, также не имея определенной даты основания; Кембридж возник несколько позже. Немецкие университеты, ни один из которых не был старше XIV века, были признанными подражателями Парижа. Так, курфюрст Палатина Рупрехт, основывая Гейдельбергский университет в 1386 году - поскольку все последующие университеты были основаны в определенные даты, - оговаривает, что он "будет управляться, распоряжаться и регулироваться в соответствии со способами и делами, которые принято соблюдать в Парижском университете, И как служанка Парижа - достойная, будем надеяться, - он должен во всем подражать парижскому, чтобы в нем было четыре факультета", четыре нации и ректор, освобождения для студентов и их слуг, и даже шапки и платья для нескольких факультетов, "как это было в Париже". "[2]

К концу Средневековья в разных частях Европы было основано не менее восьмидесяти университетов[3]. Некоторые из них были недолговечны, многие имели лишь местное значение, другие, как Салерно, процветали, чтобы умереть, но некоторые, как Париж и Монпелье, Болонья и Падуя, Оксфорд и Кембридж, Вена и Прага, Лейпциг, Коимбра и Саламанка, Краков и Лувен, имеют непрерывную многовековую историю. А великие европейские университеты, основанные совсем недавно, такие как Берлинский, Страсбургский, Эдинбургский, Манчестерский и Лондонский, в своей организации следуют древним образцам. В Америке самые ранние высшие учебные заведения воспроизводили тип современного английского колледжа в то время, когда университет в Англии был затмевал входящими в него колледжами; но при создании университетов в конце XIX века Америка обратилась к университетам континента и таким образом снова вошла в древнее наследие. Даже в колониальный период сохранялось ощущение общей университетской традиции, ведь устав колледжа Род-Айленда 1764 года предоставляет "те же привилегии, достоинства и иммунитеты, которыми пользуются американские колледжи и европейские университеты".

Что же досталось нам в наследство от древнейших университетов? Прежде всего, это не здания или тип архитектуры, ведь первые университеты не имели собственных зданий, но иногда пользовались частными залами и соседними церквями. В конце концов, уже в 1775 году Первая баптистская церковь в Провиденсе была построена "для публичного поклонения Всемогущему Богу, а также для проведения выпускных экзаменов"! Действительно, тот, кто пытается восстановить жизнь древних университетов, найдет мало помощи в их существующих остатках. В Салерно не сохранилось никаких памятников университета, хотя его редкий старинный собор, где похоронен Гильдебранд, наверняка видел смену многих поколений будущих медиков. В залах и гербах "многоглавой Падуи гордой" мы видим Ренессанс, а не Средневековье. Даже Болонья, *Bononia docta*, с ее наклоненными башнями

и прохладными аркадами, не имеет остатков университетской архитектуры ранее XIV века, от которого остались самые старые памятники ее профессоров права, собранные сейчас в муниципальном музее. Монпелье и Орлеан не сохранили ничего от этого периода. Париж, слишком часто небрежно относящийся к своему историческому прошлому, сегодня может похвастаться лишь древней церковью Сен-Жюльен-ле-Повр, где часто проводились университетские собрания, если не считать великого собора в Сите, откуда первоначально возник университет. От старейшего колледжа Кембриджа, Питерхауса, сохранились лишь фрагменты самых ранних построек; самый прекрасный памятник Кембриджа, часовня Королевского колледжа, относится к концу XV века. Больше всех других Оксфорд производит глубочайшее впечатление преемственности с древним прошлым. Оксфорд Мэтью Арнольда, "такой почтенный, такой прекрасный... пропитанный чувствами, лежит, раскинув свои сады в лунном свете, и шепчет со своих башен последние чары Средневековья"; однако в зданиях колледжей гораздо больше чувств, чем Средневековья. Лишь в Мертоне, который закрепил тип колледжа в Оксфорде, некоторые из нынешних построек переносят нас в 1300 год, и нигде нет ничего от четырнадцатого века. Эти достопамятные славы Оксфорда - Бодлианская библиотека, башня Магдален и зал Крайст-Черч - относятся к гораздо более поздней эпохе, периоду Тюдоров, а значит, по обычным меркам - к современности. Когда мы говорим "очень средневековый", мы часто подразумеваем "очень тудоровский"!

Преемственность не прослеживается и в академических формах и церемониях, несмотря на отдельные пережитки, такие как вручение степеней с помощью кольца или поцелуя мира, или время проведения экзаменов по часовым стеклам, как я видел в португальской Коимбре. Академический костюм несет в себе элемент традиции там, где он является повседневной одеждой, как в Оксфорде, Кембридже и Коимбре, но в Америке традиция была нарушена нашими предками, и официальная шапочка и мантия, принятые сегодня в Соединенных Штатах, являются продуктом современной Олбани, а не средневекового Парижа и Болоньи. Даже в их древних домах костюмы изменились. "Вполне вероятно, - говорит Рэшдалл, - что ни одно платье, которое сейчас носят в Оксфорде, не имеет большого сходства со своим средневековым предком". Студент средневековой Падуи не узнал бы пеструю процессию, которая прошла по ее улицам прошлым летом; Робер де Сорбон протер бы глаза от немедиевистских фасонов великолепных платьев, которые красовались на сцене большого зала Сорбонны, когда президент Вильсон получал свою почетную степень в 1918 году.

Итак, именно в учреждениях университетская традиция проявляется наиболее непосредственно. Во-первых, само название "университет", как объединение мастеров и ученых, ведущих совместную учебную жизнь. Такая корпорация была характерна для Средневековья, а индивидуалистический современный мир не нашел ничего, что могло бы занять ее место. Далее, понятие учебной программы, определенно установленной в отношении времени и предметов, проверяемой экзаменом и ведущей к получению степени, а также многие из самих степеней - бакалавр, как ступень к магистратуре, магистр, доктор, в области искусств, права, медицины и теологии. Затем факультеты, четыре или более, с их деканами и высшими должностными лицами, такими как ректоры и канцлеры, не говоря уже о колледжах, где еще сохранились колледжи-интернаты. Основные принципы организации университета ясны и безошибочны, и они передаются по наследству. Они просуществовали более семисот лет - какая форма правления просуществовала так долго? Очень может быть, что все это не окончательно - ничто не окончательно в этом изменчивом мире, - но оно необычайно прочное и стойкое, пригодное для использования и злоупотребления, как университет Брайса с факультетом, "состоящим из миссис Джонсон и меня", или "одиннадцать ведущих университетов" одного штата Среднего Запада! Университеты порой критикуют за отстраненность или приверженность профориентации, за то, что они слишком

легки или слишком суровы, и предпринимаются решительные попытки реформировать их, отменив вступительные требования или устранив все, что не ведет напрямую к хлебу и маслу; но не найдена замена университету в его главном деле - подготовке ученых и поддержании традиций обучения и исследований. Слава средневекового университета, говорит Рашдалл, заключалась в "освящении обучения", и эта слава и это видение еще не исчезли с лица земли. "Средневековый университет, - говорят, - был школой современного духа". О том, как ранние университеты выполняли эту задачу, пойдет речь в следующей лекции.

II СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПРОФЕССОР

В прошлой лекции мы рассмотрели средневековый университет как учреждение. Теперь мы переходим к рассмотрению его как интеллектуального центра. Для этого необходимо рассказать о курсе обучения, методах преподавания, статусе и свободе преподавателей. Элемент преемственности, столь очевидный в институтах, часто менее очевиден в содержании обучения, но даже здесь нить непрерывна, а контраст с современными условиями менее резок, чем принято считать.

Основу образования в раннем Средневековье составляли, как мы уже видели, так называемые семь либеральных искусств. Три из них, грамматика, риторика и логика, были объединены в тривиум; остальные четыре, арифметика, геометрия, астрономия и музыка, составляли квадривиум. Первая группа была более рудиментарной, но и вторая была достаточно рудиментарной. Их количество было зафиксировано, а содержание стандартизировано в период упадка античной образованности, и вся концепция дошла до Средневековья в основном в книге некоего Марциана Капеллы, написанной в начале пятого века. Эти поздние века классической античности, сгущая и высушивая знания для своего более ограниченного интеллекта, также бессознательно готовили для последующих времен те маленькие и удобные пакеты, которые только и можно было пронести в качестве *виатикума* через бурные времена Темных веков. Обучение древнего мира передавалось в Средневековье почти полностью в виде нескольких стандартных текстов, и авторитет этих руководств был настолько велик, что список тех, которые использовались в любой период, позволяет точно определить объем знаний и характер обучения. Это была книжная эпоха, с большим почтением относившаяся к авторитетным источникам, и ее обучение строго следовало за письменным словом.

В монастырских и соборных школах раннего периода учебники были немногочисленны и просты: в основном это латинские грамматики Доната и Присциана с некоторыми элементарными книгами для чтения, логические руководства Боэция, а также его арифметика и музыка, руководство по риторике, самые элементарные предложения по геометрии и наброски практической астрономии, как, например, у преподобного Беды. Греческого языка, разумеется, не было. Эта скудная программа обучения искусствам была значительно расширена благодаря ренессансу двенадцатого века, который пополнил запас западных знаний астрономией Птолемея, полным собранием сочинений Евклида и аристотелевской логикой, в то же время в разделе грамматики был дан большой стимул для изучения и чтения латинской классики. Это классическое возрождение, заслуживающее

внимания и сравнительно малоизвестное, сосредоточилось в таких соборных школах, как Шартрская и Орлеанская, где дух настоящего гуманизма проявился в увлеченном изучении древних авторов и в создании латинских стихов действительно замечательного качества. Некоторые сочинения одного из этих поэтов, епископа Хильдеберта из Ле-Мана, были даже приняты за "настоящую античность" более поздними гуманистами. Тем не менее, хотя и блестящее, это классическое движение было недолговечным, подавленное в ранней молодости триумфом логики и более практических исследований в области права и риторики. В конце двенадцатого века Иоанн Солсберийский гневно осуждает логиков своего времени с их поверхностным знанием литературы; в университетских программах тринадцатого века изучение литературы полностью исчезло. К 1250 году, когда французский поэт Анри д'Андели пишет свою *"Битву семи искусств"*, классики уже становятся древними, ведущими проигрышную борьбу с современниками:

Логика имеет учеников,

в то время как у Грамматики их число сокращается.

Гражданское право скакало великолепно

А каноническое право скакало надменно

Впереди всех остальных искусств.

Если отсутствие античной классики и простонародной литературы является поразительной особенностью университетской программы по искусству, то не менее поразительным фактом является то, сколько внимания уделяется логике или диалектике. Самые ранние университетские уставы, парижские 1215 года, требуют изучения всех логических работ Аристотеля, и на протяжении всего Средневековья они остаются основой курса искусств, так что Чосер может говорить об изучении логики как о синониме посещения университета.

That un-to logik hadde longe y-go.

В каком-то смысле это совершенно справедливо, ведь логика была не только основным предметом изучения, она пронизывала все остальные предметы как метод и придавала тон и характер средневековому уму. Силлогизм, диспуты, упорядоченное изложение аргументов за и против конкретных тезисов - все это стало интеллектуальной привычкой эпохи в юриспруденции и медицине, а также в философии и теологии. Логика, конечно же, принадлежала Аристотелю, и вскоре за ней последовали другие работы философа, так что в парижском курсе 1254 года мы находим и *"Этику"*, и *"Метафизику"*, и различные трактаты по естественным наукам, которые поначалу были запрещены для студентов. Для Данте Аристотель стал "Мастером тех, кто знает", благодаря не только универсальности своего метода, но и всеобъемлющей образованности. "Отец книжного знания и дед комментатора", ни один другой писатель не апеллировал так сильно, как Аристотель, к средневековому благоговению перед учебником и средневековой привычке к формальному мышлению. Доктрины вроде вечности материи, казавшиеся опасными для веры, были объяснены, и великие и авторитетные системы теологии были построены по методам языческого философа. А всякое представление о литературной форме исчезло, когда все зависело только от аргументации.

Если изучение классики свелось к примерам и отрывкам, призванным проиллюстрировать правила грамматики, то риторику постигла несколько иная участь в силу ее практического применения. Интеллектуальная жизнь Средневековья не отличалась спонтанной или широко распространенной способностью к литературному самовыражению. Немногие умели писать, еще меньше могли составить письмо, а профессиональные писцы и нотариусы, на которых лежала большая часть труда средневековой переписки, придали письму того периода стереотипный формализм условной риторики. Регулярное обучение составлению писем и официальных актов проводилось в школах и канцеляриях, а многочисленные профессора, называемые *диктаторами*, переезжали с места на место, обучая этому ценному искусству - "частому и крайне необходимому для духовенства, для монахов подходящему и для мирян благородному", как говорит нам один ритор. К XIII веку такие мастера нашли место в некоторых университетах, особенно в Италии и Южной Франции, и они рекламировали свои товары так, что их можно сравнить с требованиями современного бизнес-курса - коротко и практично, без траты времени на устаревших классических авторов, но все свежее, броское и актуальное, готовое к применению в тот же день, если потребуется! Так, один из профессоров в Болонье высмеивает изучение Цицерона, которого он не помнит, чтобы читал, и обещает научить своих студентов писать всевозможные письма и официальные документы, которые требовались нотариусам и секретарям его времени. Поскольку, как мы увидим в следующей лекции, такие учителя специализировались на составлении ученических писем, в основном искусных обращений к родительскому кошельку, их практическая польза сразу же стала очевидной. "Давайте, - говорит один из авторов, - возьмем в качестве темы сегодняшнего дня, что бедный и прилежный студент в Париже должен написать своей матери на необходимые расходы". Разве каждый слушатель не был бы уверен, что здесь он, по крайней мере, нашел "настоящее дело"? Профессора риторики можно было бы привлечь и для составления университетского проспекта, подобного циркуляру, выпущенному в 1229 году магистрами нового Тулузского университета, в котором говорилось о его превосходстве над Парижским: богословы, преподающие на кафедрах и проповедующие на углах улиц, юристы, превозносящие Юстиниана, и врачи Галена, профессора грамматики и логики, музыканты со своими органами, лекции по запрещенным тогда в Париже книгам по натурфилософии, низкие цены, дружелюбное население, путь, уже подготовленный искоренением терний ереси, земля, текущая молоком и медом, Вахх, царствующий в виноградниках, и Церера в полях, мягкий климат, желанный философами древности, с полным снисхождением для всех мастеров и студентов. Кто мог устоять перед таким призывом с Юга?

Грамматика и риторика отошли на второй план, а изучению квадривиума уделялось лишь незначительное внимание, поэтому курс искусств был в основном курсом логики и философии, плюс столько естественных наук, сколько можно было постичь путем схоластического изучения "естественных книг" Аристотеля. Лабораторий не было до тех пор, пока не закончилось Средневековье, а об истории и общественных науках в университетах ничего не было слышно до тех пор, пока не наступило более позднее время. Правилom было упорное, внимательное изучение нескольких хорошо пролистанных книг. Курс искусств обычно приводил к получению степени магистра за шесть лет, а бакалавриат - где-то по пути. Окончание гуманитарного факультета было обычной подготовкой к профессиональному обучению: оно регулярно требовалось для изучения теологии и было обычным для будущих юристов и врачей. Прочная традиция, которой американский мир уделяет слишком мало внимания!

Вопреки распространенному впечатлению, в средневековых университетах было сравнительно мало студентов-теологов, поскольку предписанная теологическая подготовка

к священству появилась только в эпоху Контрреформации. Требования для поступления были высокими, сам курс теологии - долгим, книги - дорогими. Правда, обычно эти книги состояли только из Библии и *Сентенций* Петра Ломбарда, но Библия в Средние века могла занимать несколько томов, особенно если она сопровождалась глоссами и комментариями, а копирование их от руки было утомительным и дорогостоящим делом. Честолюбивому студенту из Орлеана, который просит денег, чтобы купить Библию и начать изучать теологию, отец советует скорее обратиться к какой-нибудь прибыльной профессии. В лучшем случае, сетуют парижские канцлеры, студенты поздно приходят к теологии, которая должна быть женой их молодости.

Медицина также изучалась по книгам, в основном по Галену и Гиппократу с их арабскими переводчиками и комментаторами, среди которых Авиценна занимал первое место после XIII века. Действительно, Авиценна еще более прочно укоренился на Востоке, поскольку уже в 1887 году большинство местных врачей в персидской столице "не знали никакой другой медицины, кроме медицины Авиценны"[4] За исключением некоторого прогресса в анатомии и хирургии в некоторых южных школах, таких как Болонья и Монпелье, средневековые университеты не внесли никакого вклада в медицинские знания, поскольку ни один предмет не был менее приспособлен к их преобладающему методу словесного и силлогистического догматизма.

В области права основой всего обучения неизбежно становился *Corpus Juris Civilis* Юстиниана, поскольку обычное право средневековой Европы никогда не было предметом университетского изучения. Центральной книгой были *Дигесты*, обобщающие самые зрелые плоды римской юридической науки, и именно владение *Дигестами* дает средневековым гражданским лицам преимущество. Они использовали ресурсы всего *Корпуса* для проработки каждого отрывка в виде тщательно продуманной глоссы и демонстрировали утонченность и тонкость правовой мысли, аналогичные философам-схоластам. В конце концов, "право - это форма схоластики". Но то время как схоластический метод в философии утратил влияние на большую часть современного мира, работа глоссаторов все еще сохраняется. "Во многих отношениях, - говорит Рашдалл,[5] - работа Болонской школы представляет собой самое блестящее достижение интеллекта средневековой Европы. Средневековый ум, действительно, имел определенную естественную склонность к изучению и развитию уже существующего свода законов. Ограниченность его знаний о прошлом и материальной Вселенной не была в значительной степени препятствием для овладения наукой, которая занимается простыми делами и отношениями повседневной жизни. Юрист получал своего Юстиниана по авторитету, как богослов - канонические и патристические труды, а философ - Аристотеля, имея при этом преимущество получать его на языке оригинала. Ее нужно было только понять, истолковать, развить и применить..... Работы этих людей являются, пожалуй, единственными произведениями средневекового образования, к которым современный профессор любой науки может обратиться не только ради их исторического интереса, не только в надежде найти идеи, имеющие наводящее значение, но и с некоторой вероятностью найти решение сомнений, трудностей и проблем, которые все еще преследуют современного студента."

Каноническое право было тесно связано с гражданским, и для многих целей было желательно получить диплом по обоим этим предметам как *Doctor utriusque juris*, или, как мы говорим, J.U.D. или LL. Каноническое право осуждалось теологами как "прибыльный" предмет, который отвлекал студентов от чистого обучения на путь церковного преферанса. К XIII веку средневековая церковь представляла собой огромную административную машину, для управления которой требовались юристы, а хорошо обученный канонист имел все

шансы подняться до высших чинов.[6] Неудивительно, что каноническое право привлекало амбициозных, богатых и даже праздных людей, ведь в Париже, как нам рассказывают, ленивые студенты посещали лекции канонистов в середине утра, а не другие курсы, которые начинались в шесть. Стандартным учебником по каноническому праву был *Декретум* Грациана, дополненный декретами последующих пап, особенно большим собранием, которое Григорий IX в 1234 году разослал по главным университетам. Методы изучения этих текстов были такими же, как и в гражданском праве, что породило богатую канонистическую литературу позднего Средневековья и маргинальные глоссы, ради которых, по словам Данте, "Евангелие и великие доктора пустыни".

Учебники, необходимые для изучения всех этих предметов, университет обязывался поставлять в достаточном количестве, правильно и дешево, поскольку регулирование книжной торговли было одной из самых ранних и наиболее ценных привилегий университета. Поскольку книги стоили дорого, их обычно брали в аренду, по фиксированной цене за квир, а не в собственность; более того, продажа книг была оградена строгими ограничениями, призванными сдерживать монопольные цены и предотвратить их вывоз из города. В самом раннем парижском тарифе, датированном 1286 годом, перечислены для аренды экземпляры ста тридцати восьми различных книг. Со временем многие студенты обзавелись собственными книгами - Библией или хотя бы ее частью, частью *"Дигест"*, возможно, даже "двадцатью буквами, обшитыми чернью или тростником" оксфордского клерка Чосера. Арендованные или собственные, запасы были немалыми; на болонских памятниках каждый студент держит перед собой книгу. Поскольку каждый экземпляр приходилось делать вручную, точность была очень важна, и в университете были свои контролеры и корректоры, которые периодически проверяли все книги, продававшиеся в городе. Кроме того, в Болонье постоянный приток новых книг обеспечивался требованием, чтобы каждый профессор передавал копии своих повторений и диспутов канцеляристам для публикации. Главные книги по праву и теологии были естественным результатом университетских лекций. Поскольку спрос и предложение в значительной степени сосредоточены в университетах, неудивительно, что именно они стали главными центрами книжной торговли и, как мы должны сказать, издательского дела. Пока студенты могли арендовать необходимые им книги, потребность в библиотеках была меньше, чем можно было бы предположить на первый взгляд, и вполне естественно, что долгое время университет как таковой не имел библиотеки. Однако со временем книги стали передаваться в пользование студентам, в основном в виде завещаний колледжам, где их можно было взять на время или проконсультироваться на месте. К 1338 году в самом старом из сохранившихся каталогов Сорбонны, главной парижской библиотеки, значилось 1722 тома, многие из которых до сих пор можно увидеть в Национальной библиотеке, а во многих оксфордских колледжах до сих пор хранятся кодексы, принадлежавшие их библиотеке в Средние века.

Переходя от книг к профессорам, мы должны сразу же отметить, что Средневековье породило множество прекрасных и знаменитых учителей. Механизм обучения был еще сравнительно прост, его содержание еще не было всепоглощающим, и, несмотря на строгое следование текстам, оставался большой простор для личности преподавателя. Так, задолго до появления университетов Алкуин был движущей силой возрождения образования при дворе Карла Великого и в монастырской школе Тура, а два века спустя Герберт Реймский вызывал удивление современников умелым использованием классики в изучении риторики и столь изобретательными способами преподавания астрономии, что они казались в некотором роде "божественными".[7] От периода университетского происхождения мы получаем довольно четкое впечатление об Абеляре как об учителе и "развлекателе в классе", смелом, оригинальном, ясном, резко полемичном, всегда свежем и стимулирующем, и при

этом "способном рассмешить умы серьезных людей". Его методика, представленная в "*Sic et non*", состояла в том, чтобы собрать авторитеты и аргументы за и против конкретных предложений, метод, который вскоре был имитирован в "*Согласии несогласных канонов*" Грациана и, повторно усиленный "*Новой логикой*" Аристотеля, достиг кульминации в схоластическом методе св. Фомы Аквинского и наложил печать на мысль многих поколений. Как ни остер был этот метод в руках Абеляра и его преемников, сам антагонизм "да" или "нет", как он его сформулировал, не оставлял места для промежуточных позиций, для тех нюансов мысли, в которых, как отмечал Ренан, обычно и находится истина.

Чтобы получить представление о современных учителях XII века, ничто не может сравниться с часто цитируемыми отрывками, в которых Иоанн Солсберийский описывает свое *странствие* по Франции с 1136 по 1147 год, главным образом в Париже и Шартре.^[8] Обучаясь зародышам диалектики у Абеляра, он продолжал обучение у двух других учителей этого искусства, один из которых был слишком скрупулезен в деталях, проницателен, краток и точен, а другой - изощрен и обилен, показывая, что простые ответы не могут быть даны. "После этого один из них отправился в Болонью и разучился тому, чему учил, так что, вернувшись, он тоже разучился". Затем Иоанн отправился в Шартр, чтобы изучать грамматику под руководством Вильгельма Коншского и Бернарда. Гуманное, но тщательное преподавание литературы здесь вызвало его горячее восхищение - внимательное изучение, заучивание избранных отрывков, грамматика, преподаваемая по сочинениям, подражание прекрасным образцам, но безжалостное разоблачение заимствованных вещей - качества, которые сделали Бернарда "самым богатым источником писем в Галлии в новейшие времена". Вернувшись в Париж после двенадцатилетнего отсутствия, Джон нашел своих старых товарищей "как прежде, и там же, где они были прежде; не похоже, что они достигли цели в распутывании старых вопросов, и они не добавили ни малейшего предложения. Цели, которые когда-то вдохновляли их, вдохновляли их и сейчас: они продвинулись только в одном направлении: они разучились сдержанности, они не знали скромности, причем настолько, что можно было отчаиваться в их выздоровлении. И таким образом опыт научил меня очевидному выводу: если диалектика способствует развитию других наук, то, оставаясь сама по себе, она остается бескровной и бесплодной, и не ускоряет душу, чтобы принести плоды философии, если только та не зародится в другом месте".

Учителя XIII века, которые больше всего говорят о себе, - это профессора грамматики и риторики, такие как Буонкомпаньо в Болонье, Иоанн Гарландский в Париже, Понс Прованский в Орлеане, Лоренцо Аквилейский в Неаполе и почти везде, но мы достаточно познакомимся с их раздутыми сочинениями в других связях. Более значимым является рассказ Одофреда о его лекциях по *Старому Дигесту* в Болонье:

"Что касается метода преподавания, то древние и современные врачи, и особенно мой собственный учитель, придерживались следующего порядка, которого я буду придерживаться: Во-первых, я дам вам краткое изложение каждого титула, прежде чем перейду к тексту; во-вторых, я дам вам как можно более ясное и четкое изложение смысла каждого закона [включенного в титул]; в-третьих, я прочитаю текст с целью его исправления; в-четвертых, я кратко повторю содержание закона; В-пятых, я разрешу явные противоречия, добавлю общие принципы права [которые будут извлечены из отрывка], обычно называемые "*Brocardica*", и любые различия или тонкие и полезные проблемы (*quaestiones*), вытекающие из закона, с их решениями, насколько мне позволит Божественное Провидение. И если какой-либо закон покажется мне заслуживающим, в силу своей знаменитости или трудности, повторения, я буду резервировать его для вечернего повторения, ибо я буду

проводить диспуты по крайней мере дважды в год, один раз перед Рождеством и один раз перед Пасхой, если вам будет угодно.

"Я всегда буду начинать *Старые Дигесты* в октаву Михельмаса [6 октября] или около нее и заканчивать их полностью, с Божьей помощью, со всем обычным и необычным, примерно в середине августа. Кодекс я всегда начинаю примерно через две недели после Михайлова дня и с Божьей помощью завершаю его, со всем обычным и необычным, около первого августа". Раньше доктора не читали лекций по экстраординарным частям; но со мной все студенты могут получить пользу, даже невежды и новички, ибо они услышат всю книгу, и ничто не будет опущено, как это было принято здесь раньше. Ибо невежды могут извлечь пользу из изложения дела и изложения текста, более продвинутые могут стать более искушенными в тонкостях вопросов и противоположных мнений. И я буду читать все глоссы, что не было принято до моего времени". Далее следуют некоторые общие советы по выбору учителей и методов обучения, а затем - общий рассказ о *Дайджесте*.

Завершается этот курс следующим образом: "Итак, господа, мы начали, закончили и прошли через эту книгу, как вы знаете, кто был на занятиях, за что мы благодарим Бога и Его Деву Мать и всех Его святых. В этом городе существует древний обычай, согласно которому по окончании работы над книгой следует отслужить мессу Святому Духу, и это хороший обычай, который следует соблюдать. Но поскольку существует практика, согласно которой доктора, заканчивая книгу, должны рассказать о своих планах, я расскажу вам кое-что, но не много. В следующем году я рассчитываю хорошо и законно читать обычные лекции, как делал это всегда, но никаких экстраординарных лекций, ибо студенты - не очень хорошие плательщики, желающие учиться, но не платить, как говорится: Все хотят знать, но никто не платит. Мне больше нечего вам сказать, кроме как уволить вас с Божьим благословением и попросить посетить мессу"[9].

Как ни важна была формальная лекция в те дни, когда было мало книг и не было лабораторий, она отнюдь не была единственным средством обучения. Всеобъемлющий обзор университетского преподавания должен учитывать и менее формальные "беглые" или "экстраординарные" лекции, многие из которых читали простые бакалавры; обзоры и "повторения", которые часто читались в хосписах или колледжах по вечерам; диспуты, которые готовили к последнему испытанию - публичной защите дипломной работы.

Классные комнаты, в которых читались эти лекции, давно исчезли. Если в доме магистра не было подходящего помещения, он буквально нанимал зал в каком-нибудь удобном районе. В Париже такие залы находились в основном на одной улице на Левом берегу, Викус Страминус или Рю дю Фуарре, прославленной Данте, очевидно, по названию покрытого соломой пола, на котором сидели студенты, делая записи. В Болонье классные комнаты были гораздо более амбициозными. Здесь Буонкомпаньо, писавший в 1235 году, описал идеальный лекционный зал, тихий и чистый, с прекрасным видом из окон, стены выкрашены в зеленый цвет, но без картин и статуй, отвлекающих внимание, место лектора возвышается так, чтобы он мог видеть и быть видимым всеми, места студентов постоянно распределены по нациям и в соответствии с индивидуальным рангом и известностью; но он многозначительно добавляет: "У меня самого никогда не было такого дома, и я не верю, что такой когда-либо был построен". Наши знания о реалиях болонской классной комнаты почерпнуты главным образом из памятников и миниатюр с изображением профессоров XIV и XV веков, в которых мастер регулярно сидит за столом под навесом на приподнятой платформе, а студенты имеют плоские или наклонные столы, на которых лежат открытые книги. Профессора, как в медицине, так и в юриспруденции, регулярно держат перед собой открытый том.

Природа последнего экзамена лучше всего проиллюстрирована в Париже, где он описан в "*De conscientia*" гениального моралиста Робера де Сорбона, основателя Сорбонны, с помощью наводящей параллели со Страшным судом. Взяв в качестве текста пожелание Иова, чтобы его "противник написал книгу", и изложив свои заголовки в соответствии с принятой в его время манерой, Робер начинает с утверждения, что если кто-то решит добиваться *получения licentia legendi* в Париже и не сможет быть освобожден от экзамена - как многие из великих, по особой милости, - то он очень хотел бы, чтобы канцлер или кто-то из его доверенных лиц сказал ему, по какой книге он будет экзаменоваться. Как был бы безумным тот студент, который, узнав, какая это книга, пренебрег бы ею и потратил свое время на другие, так и безумен тот, кто не изучает книгу собственной совести, по которой все мы без исключения будем экзаменоваться в великий день. Более того, если кто-либо отвергнут канцлером, он может быть повторно подвергнут экзамену через год, или может быть, что, благодаря заступничеству друзей или соответствующим подаркам или услугам родственникам канцлера или другим экзаменаторам, канцлер может быть побужден изменить свое решение; тогда как на Страшном Суде приговор будет окончательным, и не помогут ни богатство, ни влияние, ни упорное утверждение о способностях канониста или гражданского лица, ни знакомство со всеми аргументами и всеми заблуждениями. Если кто-то провалится перед канцлером Парижа, об этом узнают лишь пятеро или шестеро, и с течением времени мучения пройдут, а Великий канцлер, Бог, опровергнет грешника "в полном составе университета" перед всем миром. Канцлер тоже не порол кандидата, но на Страшном суде виновных будут бить железным жезлом от долины Иосафата до самой преисподней, и мы не можем рассчитывать, как праздные мальчишки в гимназиях, избежать субботнего наказания, притворившись больными, прогуляв урок или оказавшись сильнее хозяина, или, подобно им, утешать себя мыслью, что в конце концов наше веселье вполне заслуживает порки. Экзамен у ректора тоже добровольный; он никого не заставляет добиваться степени, а ждет столько, сколько пожелают ученые, и даже тяготится их настойчивыми просьбами об экзаменах. В изучении книги нашей совести мы должны подражать кандидатам на лицензию, которые едят и пьют скупое, неустанно занимаясь одной книгой, к которой они готовятся, изучая все авторитеты, относящиеся к ней, и слушая только тех профессоров, которые читают лекции на эту тему, так что им трудно скрыть от своих товарищей тот факт, что они готовятся к экзамену. Такая подготовка - дело не пяти или десяти дней - хотя есть немало тех, кто не станет размышлять о своих грехах ни дня, ни часа, - а многих лет. На экзамене канцлер спрашивает: "Брат, что ты скажешь на этот вопрос, что ты скажешь на этот и этот?" Канцлера не устраивает устное знание книг без понимания их смысла, но в отличие от Великого Судьи, который выслушает книгу нашей совести от начала до конца и не потерпит ошибок, он требует только семь или восемь отрывков из книги и пропускает кандидата, если тот отвечает на три вопроса из четырех. Еще одно отличие заключается в том, что канцлер не всегда проводит экзамен лично, так что студент, который был бы напуган в присутствии такого большого количества знаний, часто отвечает хорошо перед мастерами, которые действуют вместо канцлера. Здесь ничего не говорится о публичной защите диссертации перед всеми желающими - важном заключительном упражнении, которое до сих пор сохранилось как форма в немецких университетах.

В Болонье сначала проводился "строгий и грандиозный экзамен" перед врачами, каждый из которых поклялся относиться к кандидату "так же, как к собственному сыну". Затем следовал публичный экзамен и прием, который в письме домой описывался следующим образом: "Пойте Господу новую песнь, хвалите Его на струнных инструментах и органах, ликуйте на кимвалах", ибо ваш сын провел славный диспут, на котором присутствовало великое множество учителей и ученых. Он безошибочно отвечал на все вопросы, и никто не мог одержать верх над его доводами. Кроме того, он устроил знаменитый банкет, на котором как

никогда чествовали и богатых, и бедных, и он должным образом начал читать лекции, которые уже настолько популярны, что чужие аудитории опустели, а его собственные заполнились". Тот же ритор рассказывает о неудачливом кандидате, который ничего не мог сделать в диспуте, но сидел на своем стуле, как козел, а зрители в насмешку называли его раввином; его гости на пиру так объелись, что не хотели пить, и он должен был нанимать учеников для своих занятий.

Социальное положение средневековых профессоров следует рассматривать на фоне общественного устройства эпохи, отличной от нашей. Возможно, ближе всего к современным условиям мы находимся в городах Италии, где как в Средние века, так и сейчас есть свидетельства выдающегося положения многих профессоров медицины и гражданского права. Многие богословы и преподаватели канонического права занимали высокие посты в церкви, такие как епископство и кардинальство. Среди богословов и философов наиболее выдающимися были профессора университетов: Фома Аквинский, Альбертус Магнус, Бонавентура, все великое множество докторов ангельских, непобедимых, неукротимых, серафических, тонких и универсальных. То, что они также были доминиканцами или францисканцами, лишь частично отделяло их от мира.

Если, как утверждают некоторые реформаторы, социальное положение и самоуважение профессоров связано с их управлением университетскими делами, то Средние века были великой эпохой профессорского контроля. Сам университет был обществом мастеров, когда он не был обществом студентов. Поскольку не было значительных пожертвований, не было и попечительских советов, не было и такой системы государственного контроля, какая существует на континенте или во многих частях Соединенных Штатов. Администрация в современном смысле слова отсутствовала, но много времени занимали всевозможные университетские собрания. В довольно примечательной степени университет был самоуправляемым, а также уважающим себя, избежав некоторых злоупотреблений системы, которая иногда позволяет попечителям или регентам говорить о профессорах как о своих "наемных людях". Был ли свободнее отдельный профессор при такой системе - другой вопрос, ведь корпорация мастеров была склонна осуществлять довольно жесткий контроль над действиями, если не над мнением, а тирания коллег - это одна из форм той "тирании соседа", от которой мир, похоже, не в силах избавиться.

Остается вопрос об интеллектуальной свободе профессора, праве преподавать истину так, как он ее видит, что мы привыкли называть академической свободой. Очевидно, что здесь, как и в случае с Пилатом, многое зависит от нашего представления об истине. Если это нечто, что можно обнаружить путем поиска, то поиск должен быть свободным и беспрепятственным. Если же истина - это нечто, что уже открыто нам авторитетом, то ее нужно только изложить, а излагающий должен быть верен авторитетному учению. Нет нужды говорить, что именно такой была средневековая концепция истины и ее преподавания. "Вера, - считалось, - предшествует науке, устанавливает ее границы и предписывает ее условия"[10] "Я верю для того, чтобы знать, я не знаю для того, чтобы верить", - говорил Ансельм. Если разум устанавливает свои границы таким образом, ему подобает быть скромным. Пусть парижские магистры и студенты, говорит Григорий IX, "не выставляют себя философами, но пусть стремятся стать богоучеными". Опасности интеллектуальной гордыни и опоры только на разум иллюстрируются многими характерными историями о мастерах, пораженных в разгар своего хвастовства, как Этьен де Турнэ, который, доказав доктрину Троицы "так ясно, так элегантно, так католически", утверждал, что он может с такой же легкостью разрушить свое собственное доказательство. Средневековая ортодоксия с опаской смотрела на простое умничанье, отчасти потому, что школьные дискуссии ни к чему

не приводили, отчасти потому, что ум, слишком свободно играющий с предложениями, мог легко впасть в ересь. А для выявления и наказания ереси средневековая церковь организовала специальную систему судов, известную как инквизиция.

Таковы общие условия, а какова же была реальная ситуация? На практике свобода была общей, за исключением философии и теологии. В юриспруденции, медицине, грамматике и математике люди обычно могли свободно читать лекции и спорить, как им вздумается. Поскольку не существовало социальных проблем в современном смысле слова и не преподавались социальные науки как таковые, плодотворный источник трудностей отсутствовал. Насколько мне известно, ни один средневековый профессор не был осужден за проповедь свободной торговли, свободного серебра, социализма или непротивления. Более того, хотя отдельные трактаты могли публично сжигать, как в поздней Римской империи, организованной цензуры книг до XVI века не существовало.

Теперь что касается философии и теологии. Проблема, конечно, в теологии, поскольку философия была свободна, за исключением тех случаев, когда она касалась теологических вопросов. Но философия очень склонна затрагивать теологические вопросы, и на протяжении всего двенадцатого и тринадцатого веков шла периодическая борьба между христианской теологией и языческой философией, представленной трудами Аристотеля. Она началась с Абеляра, когда он попытался применить свой логический метод исследования к теологии, и продолжилась, когда его современник, Жильбер де ла Порре, направил еще больше аристотелевской логики на теологические спекуляции. К концу двенадцатого века "*Новая логика*" была довольно хорошо усвоена, но затем появились "*Метафизика*" и натурфилософия Аристотеля с их арабскими комментаторами, изучение которых в Париже было официально запрещено в 1210 и 1215 годах. В 1231 году Папа требует, чтобы они были "изучены и очищены от всякого подозрения в заблуждении", но к 1254 году они становятся неизменной частью учебной программы по искусству, не изглаженной, а примиренной с помощью интерпретации с христианской верой. Поколение спустя возрождается аверроизм, подчеркивающий доктрину вечности материи и определения земных действий небесными телами; двести девятнадцать ошибок этой партии были осуждены в 1277 году епископом Парижа, который воспользовался поводом, чтобы выразить сожаление по поводу вторжения в теологию со стороны студентов-искусствоведов. На протяжении всего этого периода в Париже преподавали и изучали всего Аристотеля, а его метод использовал Фома Аквинский для создания своей обширной структуры схоластической теологии. Другие оставляли для себя широкий спектр философских спекуляций, а в случае затруднений могли спастись, опираясь на доктрину, что истинное в философии может быть ложным в теологии, и *наоборот*.

Рассматривая этот вопрос о свободе преподавания, я просмотрел все документы XIII века в парижском *Шартурариуме*. За исключением только что упомянутых великих споров, их результаты весьма скудны. В 1241 году канцлер и профессора богословия рассмотрели и осудили серию из десяти заблуждений, весьма абстрактных, касающихся видимости божественной сущности, ангелов и точного места пребывания прославленных душ в следующем мире, будь то в Эмпирее или на кристаллических небесах. В 1247 году выясняется, что некий магистр Раймонд был заключен в тюрьму за свои заблуждения по совету магистров теологии, а некто Джон де Брескен был лишен права преподавать из-за некоторых ошибок в логике, "которые, казалось, приближались к арианской ереси", что привело к смешению предметов двух факультетов, границы которых были установлены отцами. В 1255 году и около 1255 года Париж бурно обсуждал так называемое "Вечное

Евангелие", апокалиптический трактат, предвещавший новую эру Духа, начинающуюся в 1260 году, в которой Новый Завет, Папа и иерархия должны быть вытеснены. Принятые некоторыми продвинутыми францисканцами, эти доктрины стали поводом для длительного конфликта с орденами мендикантов, но не привели к решающим результатам. В 1277 году Париж получил уведомление о тридцати ошибках в искусстве, осужденных в Оксфорде, не как еретических, но как достаточных для низложения мастера, обучавшего их; но когда мы находим среди них отмену падежей латинских существительных и личных окончаний глаголов (*ego currit, tu currit* и т. д.), мы, вероятно, больше сочувствуем их несчастным ученикам, чем низложенным мастерам. Вспоминается современное определение академической свободы как "права говорить то, что думаешь, не думая о том, что говоришь!".

Учитывая, что это единственные заметные примеры вмешательства в свободное преподавание в бушующем центре теологических спекуляций в самый активный период его истории, мы должны сделать вывод, что реальной свободы было много. Проблемы возникали почти исключительно из-за того, что считалось богословской ересью, или из-за чрезмерного вмешательства в богословские темы тех, кто не имел богословской подготовки. Тех же, кто оставался при своем деле, как правило, оставляли в покое. Как ответил в XVI веке великий юрист Куджас, когда его спросили, протестант он или католик: "*Nihil hoc ad edictum praetoris*". Даже в более тщательно охраняемой области теологии и философии вряд ли многим было тесно. Принимая принцип авторитета в качестве отправной точки, люди не чувствовали его ограничений так, как мы должны чувствовать их сейчас. Забор не является препятствием для тех, кто не желает выходить наружу, и многие барьеры, которые в более скептическую эпоху показались бы непереносимыми, не ощущались школьниками как барьеры. Свободен тот, кто чувствует себя свободным.

Кроме того, для тех, кто привык к широкому разнообразию современного мира, легко создать ложное впечатление о единообразии и одинаковости средневековой мысли. Схоластика была не одним, а многими направлениями, о чем нам постоянно напоминают ее историки, и борьба между различными школами и оттенками мнений была такой же острой, как у греков или в наши дни. И если эти различия часто кажутся нашему далекому глазу незначительными или нереальными, мы можем сделать их достаточно современными, обратившись, например, к старому вопросу о природе универсальных понятий, который разделял номиналистов и реалистов Средневековья. Являются ли универсалии просто именами или же они имеют реальное существование, независимое от их индивидуальных воплощений? Все это звучит немного заумно, если мы делаем это просто вопросом логики, но достаточно захватывающе, как только это становится жизненным вопросом. Суть Реформации неявно зависит от того, какой взгляд на церковь мы принимаем - номиналистический или реалистический; центральная проблема политики во многом зависит от номиналистического или реалистического взгляда на государство. По обе стороны этого последнего вопроса миллионы людей "все безропотно умерли", все бессознательно, без сомнения, в большинстве случаев, не зная конечных вопросов политической власти, за которую они боролись, но все же способные понять их, когда они выражаются в конкретной форме постановки интересов государства выше интересов его членов.

В свое время и своим способом средневековый профессор часто имел дело с постоянными человеческими интересами, оттачивая ум людей и поддерживая непрерывную традицию обучения.

III

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ СТУДЕНТ

"Университет, - не раз замечали профессора, - был бы очень удобным местом, если бы в нем не было студентов". До сих пор мы рассматривали университеты с точки зрения профессоров; теперь настала очередь студентов, ведь независимо от того, считаются ли они необходимым злом или главной причиной существования университета, их, безусловно, нельзя игнорировать. Средневековый университет был не полком полковников, а "обществом мастеров *и ученых*", и на этот второй и более многочисленный элемент мы должны теперь обратить наше внимание.

Средневековый студент - фигура более неуловимая, чем его преподаватели, поскольку индивидуально он менее заметен и, как правило, должен быть виден в массе. Кроме того, эта масса сильно различается во времени и пространстве, так что обобщение затруднено: то, что верно для одной эпохи и одного университета, совершенно не верно для других времен и мест. Даже в пределах более короткого периода существования американских университетов существуют большие различия между студентами, скажем, Гарварда в XVII веке, Уильяма и Мэри в XVIII веке, Калифорнии в XIX веке и Колумбии в XX веке; и было бы невозможно составить истинную картину из элементов, взятых без разбора из таких разрозненных источников. Пока условия в каждом университете Средневековья не будут изучены в хронологическом порядке, невозможно составить достоверный отчет о студенческой жизни в целом, и эта предварительная работа нигде не была систематически предпринята. В настоящее время мы можем лишь указать основные источники нашей информации и то, какой свет они бросают на студенческую жизнь.

К счастью, из разрозненных останков средневековья до нас дошел значительный объем материалов, которые касаются, более или менее непосредственно, студенческих дел. Это, например, протоколы судебных заседаний, которые среди однообразных подробностей мелких беспорядков и повторяющихся правонарушений то и дело сохраняют яркие детали средневековой жизни - например, случай с болонским студентом, на которого напали с тесаком в аудитории, причинив огромный вред и убытки собравшимся послушать лекцию знатного и вопиющего доктора законов; Или студент 1289 года, на которого на улице перед лекционным залом напал некий писец, "который ранил его камнем по голове, так что хлынуло много крови", в то время как два товарища оказывали помощь и давали советы, говоря: "Дай ему, ударь его", а когда преступление было совершено, убежали. Так, в списках коронеров Оксфорда зафиксировано множество смертельных случаев, связанных с беспорядками между городом и городом, а недавно опубликованный реестр за 1265 и 1266 годы показывает, что студенты Болоньи активно участвовали в сборе денег путем займов и продажи учебников. Конечно, существуют уставы университетов и колледжей, с их запретами и штрафами, регулирующие темы разговоров, форму и цвет шапочек и мантий, академическую одежду, которая кажется нам такой средневековой, а на самом деле, особенно в ее американской форме, такая современная; Внимательно относятся и к более весомым вопросам закона, например, к постановлению Нью-Колледжа о запрете бросать камни в часовню или к градации наказаний в Лейпциге для того, кто подбирает снаряд, чтобы бросить в профессора, того, кто бросает и промахивается, и того, кто выполняет свою падшую цель, причиняя вред хозяину. Летописцы тоже иногда прерывают свое повествование о делах королей и принцев, чтобы рассказать о студентах и их поступках, хотя

их внимание, как и внимание их современных преемников, газет, обычно привлекают вспышки студенческого беззакония, а не здоровая рутина академической жизни.

Затем мы имеем дело с проповедниками того времени, многие из которых также были профессорами, чьи проповеди содержат частые ссылки на студенческие обычаи; действительно, если бы потребовались дополнительные доказательства, чтобы развеять иллюзию, что средневековый университет был посвящен изучению Библии и религиозному воспитанию, парижские проповедники того периода предоставили бы достаточное доказательство. "Сердце студента погрязло в трясине, - говорит один из них, - он сосредоточен на пребендах и мирских вещах, на том, как удовлетворить свои желания". "Они так склонны к тяжбам и ссорам, что с ними нет мира; куда бы они ни отправились, будь то Париж или Орлеан, они возмущают страну, своих товарищей, даже весь университет". Многие из них ходят по улицам вооруженными, нападают на горожан, врываются в дома, издеваются над женщинами. Они ссорятся между собой из-за собак, женщин и прочего, отрубая друг другу пальцы своими мечами или, имея в руках только ножи и не имея ничего, чтобы защитить свои тонзурированные паты, бросаются в конфликты, от которых удержались бы вооруженные рыцари. На помощь им приходят их соотечественники, и вскоре в драку могут быть втянуты целые нации студентов. Эти парижские проповедники погружают нас в атмосферу латинского квартала и показывают его разнообразную деятельность. Мы слышим крики и песни улиц.

Li tens s'en veit,

Et je n'ei riens fait;

Li tens revient,

Et je ne fais riens-.

бубны и гитары студентов, их "легкие и грубые слова", шипение, хлопанье в ладоши и громкие крики аплодисментов на проповедях и диспутах. Мы наблюдаем за ними, когда они высмеивают соседку за ее накладные волосы или высовывают языки и корчат рожи прохожим. Мы видим, как студент занимается у окна, обсуждает свое будущее с соседом по комнате, как его навещают родители, как за ним ухаживают друзья, когда он болен, как поют псалмы на похоронах студента или как он навещает сокурсника и просит его посетить - "Я был у тебя, теперь приходи в наш хоспис".

Представлены все типы. Есть бедный студент, у которого нет друга, кроме святого Николая, ищущий милостыню, которую он может найти, или зарабатывающий гроши,нося святую воду или переписывая для других, в честной, но не слишком аккуратной руке, иногда слишком бедный, чтобы покупать книги или позволить себе расходы на курс теологии, но обычно превосходящий своих более преуспевающих товарищей, у которых есть изобилие книг, на которые они никогда не смотрят. Есть и обеспеченный студент, у которого, помимо книг и письменного стола, обязательно есть свеча в комнате и удобная кровать с мягким матрасом и роскошными покрывалами, а также искушение потакать средневековому пристрастию к изысканной одежде, выходящей за рамки мантии, капюшона и простого гардероба, предписанного уставом. Есть также праздные и бесцельные люди, которые бродят от мастера к мастеру и от школы к школе, никогда не слушая полных курсов и регулярных лекций. Некоторые, которых заботит только имя ученого и доход, который они получают, посещая университет, ходят на занятия лишь раз или два в неделю, предпочитая лекции по каноническому праву, которые оставляют им достаточно времени для сна по утрам. Многие едят пирожные, когда должны быть на занятиях, или ложатся спать в

аудиториях, проводя остальное время за выпивкой в тавернах или строительством замков в Испании (*castella in Hispania*); а когда приходит время покидать Париж, чтобы хоть как-то показать свою образованность, такие студенты собирают огромные тома из телячьей кожи, с широкими полями и в тонких красных переплетах, и так с мудрым мешком и пустой головой возвращаются к своим родителям. "Что это за знания, - спрашивает проповедник, - которые могут украсть воры, съесть мыши или моль, уничтожить огонь или вода?" И он приводит в пример случай, когда лошадь студента упала в реку, унеся с собой все его книги. Некоторые никогда не уезжают домой, а продолжают в безделье наслаждаться плодами своих благодеяний. Даже в каникулы, когда богатые уезжают со своими слугами, а бедные бредут домой под палящим солнцем, многие бездельники остаются в Париже, нанося вред себе и городу. Средневековый Париж, следует помнить, был не только несравненным "родителем наук", но и местом веселого общения и разнообразных удовольствий, любимым курортом не только ученых, но и сельских священников на каникулах; и не было бы странным, если бы иногда ученые затягивали свое пребывание и оплакивали свой отъезд в выражениях, которые являются чем-то большим, чем риторические банальности.

В таком случае студент небезызвестен поэтам того времени, среди которых Рютебеф дает картину Парижа XIII века, не похожую на картину проповедников, а в предыдущем веке Жан де Отевиль показывает страдания бедного и прилежного ученого, засыпающего над своими книгами, а Найджел "Вирекер" сатирически изображает английских студентов в Париже в лице осла Брунелла - "Дауна Бурнелла" у Чосера, - который учится там семь лет, не выучив ни слова, в конце концов начинает хрюкать, как и в начале своего курса, и покидает его с решимостью стать монахом или епископом. Лучшее всего Чосер изобразил несравненного клерка из Оксенфорда, пустоголового, нищего, нелюдимого.

Для него был рычаг в постели

Двадцать боксов, одетых в черное или тростник,

Аристотеля и его философию,

Чем одеяния богатые, иль причудливые, иль яркие.

Его уделом было воспевание нравственной веры,

И с радостью он говорил, и с радостью говорил.

Но, в конце концов, никто не знает так много о студенческой жизни, как сами студенты, и именно из того, что было написано ими и для них, студенческой литературы Средневековья, я хочу почерпнуть больше информации. Такие остатки академического прошлого делятся на три основных класса: студенческие учебники, студенческие письма и студенческая поэзия. Давайте рассмотрим их в таком порядке.

Руководства, содержащие общие советы и рекомендации, адресованные средневековому ученому, не требуют подробного рассмотрения. Формальные трактаты, посвященные всем обязанностям студентов, характерны для дидактического склада ума Средневековья, но советы, которые они содержат, как правило, очень общего характера, применимы как к одной, так и к другой эпохе и лишены тех конкретных иллюстраций, которые превращают проповеди того времени в полезные источники для университетской жизни.

Более интересный тип студенческого пособия, студенческий словарь, обязан своим существованием положению латыни как универсального языка средневекового образования. Учебники были на латыни, лекции - на латыни, и, более того, использование латыни было обязательным во всех формах студенческого общения. Это правило, возможно, было задумано как контроль над разговорами, а также как стимул к обучению, но оно соблюдалось с помощью наказаний и доносчиков (называемых волками), и первокурсник, или *yellow-beak*, как его называли в средневековом языке, мог оказаться плохо подготовленным к тому, чтобы стать понятным в своем новом сообществе. Для его удобства магистр Парижского университета XIII века Иоанн Гарландский составил описательный словарь, сгруппированный по темам и посвятивший большое количество места объектам, которые можно увидеть во время прогулки по улицам Парижа. Читателя ведут из квартала в квартал, от одного торгового заведения к другому, от книжных прилавков Парвиз Нотр-Дам и птичьего рынка на прилегающей улице Нев до столов денежников и ювелирных лавок на Гран-Пон и мастеров по изготовлению луков в Порте С.-Лазар, не забывая о тех классах *оврьеров*, знакомство с которыми было наиболее вероятно для студента. Грузчики и перчаточники, меховщики, сапожники и аптекари - клерк мог пользоваться товарами всех их, а также письменным столом, свечами и письменными принадлежностями, которые были специальными инструментами его профессии; но чаще всего он общался с торговцами едой и напитками, чьи агенты вели свою торговлю по улицам и переулкам Латинского квартала и выменивали свой скудный товар на ученых и их слуг. Здесь были и торговцы вином, разносившие образцы разных сортов из таверн; и продавцы фруктов, обманывавшие клерков салатом и кресс-салатом, вишнями, грушами и зелеными яблоками; а по ночам - торговцы легкой выпечкой с аккуратно прикрытыми корзинками вафель, вафель и биточков - частая ставка в играх в кости среди студентов, имевших обычай вывешивать из окон корзинки, полученные в результате удачных бросков шестерки. У *патисьеров* были и более основательные изделия, отвечающие вкусу священнослужителей: пироги с начинкой из яиц и сыра и хорошо пропеченные пирожки со свининой, курицей и угрями. К *ротисьерам* ученые слуги прибегали не только за голубями, гусями и прочей птицей, зажаренной на вертеле, но и за недожаренной говядиной, свининой, и бараниной, приправленной чесноком и другими сильными соусами. Такие блюда, однако, были не для бедных студентов, чьи скромные кошельки ограничивались требухой и различными видами колбасы, из-за которых легко могла возникнуть ссора, и "мясники были сами зарезаны разгневанными учеными".

Словарь такого рода легко переходит в другой тип трактата - пособие по ведению беседы. Этот метод изучения иностранных языков очень стар, о чем свидетельствуют сохранившиеся свидетельства Древнего Египта, и он до сих пор расставляет свои ловушки для неосторожного путешественника, который готовится покорить Европу *а-ля* Оллендорф. Писателям позднего Средневековья она казалась исключительной возможностью сочетать обучение латыни с основательной академической дисциплиной, и как школа, так и университет оставили свои памятники для нашего ознакомления. Наиболее интересное из этих руководств озаглавлено "Руководство для ученых, которые собираются посещать студенческие университеты и извлекать из этого пользу", и хотя в своей наиболее распространенной форме оно предназначено для студентов Гейдельберга около 1480 года, его можно было бы адаптировать с небольшими изменениями к любому из немецких университетов. Мы можем назвать его "Ролло в Гейдельберге". Его восемнадцать глав ведут студента от поступления в университет до получения степени, попутно информируя его о многих предметах, совершенно не нужных ни тому, ни другому. Когда молодой человек прибывает, он регистрируется из Ульма; его родители живут в умеренных условиях; он приехал учиться. Затем его должным образом подвергают издевательствам по немецкой

моде, которая рассматривает кандидата как нечистого зверя с рогами и клыками, которые должны быть удалены официозными сокурсниками, которые также выслушивают его признание в грехе и назначают в качестве наказания хороший ужин для толпы. Он начинает учиться, посещая по три лекции в день, и учится отстаивать номинализм против реализма, комедии Теренция против закона, обсуждать преимущества различных университетов, цены на еду и качество пива в университетских городах. Затем мы видим его и его соседа по комнате, ссорящихся из-за потерянной книги; спешащих по первому звуку колокола на обед, где они обсуждают относительные достоинства телятины и бобов; или гуляющих в полях за Неккаром, возможно, по знаменитой Философской дороге, которая очаровала столько поколений гейдельбергской молодежи, и обменивающихся на ходу латинскими замечаниями о птицах и рыбах. Затем следуют более короткие диалоги: ученый нарушает устав; он берет деньги в долг и возвращает их; он влюбляется и выздоравливает; он идет послушать проповедь толстого итальянского монаха или посмотреть на жонглеров и поединки на рыночной площади; он знает, что наступают собачьи дни - он чувствует их в своей голове! Наконец родители говорят нашему студенту, что ему пора получать диплом и возвращаться домой. Он очень встревожен: он мало ходил на лекции, и ему придется поклясться, что он посещал их регулярно; он мало работал и навлек на себя вражду многих профессоров; его учитель отговаривает его от экзамена; он боится позора провала. Но его собеседник успокаивает его уместной цитатой из Овидия и говорит, что разумное распределение подарков может сделать многое - несколько флоринов завоюют ему всеобщее расположение. Пусть он напишет домой еще денег и устроит большой пир для своих профессоров; если он будет хорошо к ним относиться, ему не нужно бояться результата". Этот совет бросает любопытный свет на образовательные стандарты того времени; судя по всему, ему последовали, поскольку в конце пособия приводится набор форм, приглашающих хозяев на банкет и бесплатную баню, которой он предшествовал.

Если студенты университетов нуждались в таких элементарных сборниках нравов и манер, то, очевидно, для них было достаточно места и в низших школах, где они были склонны принимать форму латинских двустий, которые можно было легко запечатлеть в памяти ученика. Такие *statuta vel precepta scholarium*, как кажется, были особенно популярны в конце XV века в тех городских школах Германии, важность которых так ясно показали недавние историки среднего образования. Часто странствуя из города в город, подобно бродячим ученым более ранней эпохи, эти немецкие мальчики имели хорошую потребность в соблюдении проповедуемых таким образом моральных норм. Началом мудрости было помнить о Боге и слушаться учителя, но ученик также должен был следить за своим поведением в церкви, возвышать голос в хоре - обязательное посещение церкви и пение в хоре было обычной чертой этих школ, - держать свои книги в чистоте и своевременно оплачивать школьные счета. Лицо и руки следует мыть по утрам, но бани без разрешения посещать нельзя, также мальчики не должны бегать по льду или бросать снежки. В воскресенье можно было играть, но только на церковном дворе, где мальчики должны быть осторожны и не играть в кости, не разбивать камни со стены и не бросать ничего через церковь. И в игре, и дома всегда следует говорить на латыни.

Более систематическим является руководство XV века, сохранившееся в рукописи Национальной библиотеки в Париже.^[11] "Поскольку по причине неумения юноши не могут достичь знания латинского языка только теорией", автор подготовил для них набор форм, содержащих выражения, наиболее часто используемые клерками. Начиная с вежливости школьной жизни, ибо послушание и должное почтение к хозяину - начало мудрости, мальчик учится, как приветствовать хозяина и уходить, как оправдываться за проступок, как приглашать хозяина обедать или ужинать с родителями - для этого существует полдюжины

форм! Его также учат, как правильно отвечать на вопросы тех, кто пытается проверить его знания, "чтобы не показаться идиотом перед родителями". "Если хозяин спросит: "Где ты был так долго?", он должен быть готов не только сослаться на неизбежную головную боль или неспособность проснуться, но и рассказать о причинах задержки, хорошо известных любому деревенскому мальчишке. Он должен был присматривать за домом, кормить скотину или поливать лошадь; его задерживала свадьба, сбор винограда, выписка счетов или - поскольку это были немецкие мальчишки - помощь в варке, доставка пива или подача напитка гостям.

В школе после "духовного совершенствования" утреннего урока пения наступает совершенствование тела, которое ставится после учебных часов, потому что "воображение, как правило, заторможено у тех, кто только что насытился". В разговорах за обедом или на игровой площадке "клерки склонны сбиваться с латинской идиомы на родной язык", а для тех, кто говорит по-немецки, по усмотрению хозяина придуман символ тупицы под названием "задница", который обладатель изо всех сил старается передать другому. "Wer wel ein Griffel kouffe[n]?" "Ich wel ein Griffel kouffen". "Tecum sit asinus". "Ach, quam falsus es tu!". Иногда жертва предлагает встретиться со своим обманщиком после вечерни, при этом обе стороны обычно хвастаются, как школьники. Поскольку в школе запрещено ссориться, мальчиков учат отрабатывать свою вражду и формулировать претензии в латинском диалоге. "Ты был за городом после наступления темноты. В воскресенье вы играли с мирянами. В понедельник вы ходили купаться. Вы не ходили на утреню. Ты проспал всю мессу". "Преподобный господин, он испачкал мою книгу, он кричит за мной, куда бы я ни пошел, он обзывает меня". Помимо официальных диспутов, ученые обсуждают такие текущие события, как уличная драка, свадьба кузена, грядущая война с герцогом Саксонским или способы добраться до Эрфурта, куда один из них отправляется в шестнадцать лет, чтобы учиться в университете. Большим испытанием дня стала викторина по латинской грамматике, которую магистр задавал каждому по очереди (*auditio circuli*). Ученики репетируют свои склонения и спряжения, а бездельники начинают трепетать по мере приближения часа. Есть некоторая надежда, что хозяин не придет. "У него гости". "Но они уйдут вовремя". "Он может пойти в баню". "Но ведь еще не прошла целая неделя с тех пор, как он был там в последний раз". "Вот он и идет. Назовите волка, и он тут же появится". В конце концов пошатнувшийся ученый возвращается к своей единственной надежде - месту рядом с тем, кто обещает ему подсказать.

"Когда чтение окончено и урок сдан, среди молодежи начинается ликование по поводу приближения часа, когда можно идти домой", и они предаются праздным разговорам, "которые здесь опущены, чтобы не послужить средством для оскорбления". Радость, однако, скрашивается состязанием, которое предшествует увольнению, - "серьезным и яростным спором за *пальмитер*", пока один не получает приз, а другой - *асинус*, чтобы сохранить его до следующего дня.

После школы мальчишки отправляются играть в церковный двор, где упоминаются обручи, шарики (по-видимому), мяч (во время поста) и что-то вроде игры-считалки. Автор различает обручи для метания и для катания, шары из дерева и из камня, но тема вскоре становится слишком глубокой для его латыни, и на этом трактат резко обрывается.

В некоторых своих формах пособие для студентов затрагивает территорию, уже занятую другим типом средневекового справочника - пособием по манерам, которое под такими названиями, как "Книга урбанизма", "Застольные любезности" и т. д., пользовалось большой популярностью, начиная с XIII века и далее. Однако такие пособия не имеют ни блеска "*Придворного*" Кастильоне, ни проработанности современных книг по этикету. Те, кто не овладел ножом и вилкой, мало что смыслят в тонкостях социального общения, а читатели

средневековых руководств в вопросах поведения были еще на уровне. Мойте руки по утрам и, если есть время, лицо; пользуйтесь салфеткой и носовым платком; ешьте тремя пальцами и не наедайтесь; не бушуйте и не ссорьтесь за столом; не пяльтесь на соседа или его тарелку; не критикуйте еду; не ковыряйте в зубах ножом - таковы, наряду с другими, еще более элементарными, максимы, которые встречаются нам в этот период на латыни и французском, на английском, немецком и итальянском, но регулярно в стихах. Время от времени встречается еще один штрих эпохи: скреби кости ножом, но не грызи их; когда покончишь с ними, положи их в миску или на пол!

Если бы переписка средневековых студентов сохранилась для нас в непринужденных и незатронутых деталях, ничто не могло бы дать более яркую картину университетских условий. К сожалению, в некоторых отношениях для нас Средневековье было периодом форм и типов в написании писем, как и в других вещах; и для большинства мужчин написание письма было не столько выражением индивидуальных чувств и опыта, сколько кропотливым копированием письма другого человека, измененного, где необходимо, в соответствии с новыми условиями. А если и получалось что-то свежее или индивидуальное, то шансов сохранить его было немного, поскольку в этом случае оно тем более не могло пригодиться будущему автору письма - "столь бережному к шрифту, столь небрежному к единому" письму, как показывает история. В результате сотни студенческих писем, дошедших до нас в рукописях Средневековья, дошли до нас в виде сборников форм или целых писем, лишенных большей части своей индивидуальности, но по этой самой причине более точно отражающих основные и универсальные фазы университетской жизни.

Безусловно, самый большой элемент в переписке средневековых студентов составляют просьбы о деньгах; "первая песня студента - это просьба о деньгах", - говорит усталый отец в одном итальянском письме, - "и никогда не будет письма, в котором не просят денег". Как обеспечить эту фундаментальную необходимость в жизни студента, несомненно, было одной из самых важных проблем, стоявших перед средневековым ученым, и многие модели, которые риторы ставили перед ним в доказательство практических преимуществ своего искусства. Письма обычно адресованы родителям, иногда братьям, дядям или церковным покровителям; в одном многократно переписанном упражнении содержалось двадцать два различных способа обращения к архидьякону по этому вечно деликатному вопросу. Обычно студент сообщает, что он находится в таком-то и таком-то учебном центре, благополучен и счастлив, но отчаянно нуждается в деньгах на книги и другие необходимые расходы. Вот образец из Оксфорда, несколько более индивидуальный, чем в среднем, и написанный на необычайно плохой латыни:

"Б. его почтенному господину А., приветствие. Хочу сообщить вам, что я учусь в Оксфорде с величайшим усердием, но денежный вопрос сильно мешает моему продвижению, так как уже два месяца прошло с тех пор, как я потратил последние из того, что вы мне прислали. Город дорогой и предъявляет много требований; мне приходится снимать жилье, покупать предметы первой необходимости и обеспечивать многие другие вещи, которые я не могу сейчас указать. Поэтому я почтительно прошу ваше отцовство, чтобы побуждениями божественной жалости вы помогли мне, чтобы я смог завершить то, что хорошо начал. Ведь ты должен знать, что без Цереры и Вакха Аполлон становится холодным".

Если отец был скуп, то на то были особые причины: город был дорог - как всегда бывает в университетских городах, - цены на жизнь были исключительно высоки из-за суровой зимы, осады, неурожая или необычного количества ученых; последний гонец был ограблен или

скрылся с деньгами; сын не мог больше занимать у своих товарищей или у евреев, и так далее. Горести студента описываются трогательным языком, с многочисленными призывами к отцовскому тщеславию и привязанности. В Болонье мы слышим об ужасной грязи, через которую юноша должен пробивать себе дорогу от двери к двери, вызывая "О добрые господа" и возвращаясь домой с пустыми руками. В австрийском учебнике один ученый пишет из самых глубин тюрьмы, где хлеб жесткий и заплесневелый, вода для питья смешана со слезами, темнота настолько густая, что ее можно почувствовать. Другой лежит на соломе, ничем не прикрытый, ходит без обуви и рубашки и ест, не говоря, что именно - рассказ, адресованный сестре и призванный принести в ответ сто *су турнуа*, две пары простыней и десять локтей тонкого сукна, отправленных без ведома ее мужа. "Мы сделали маленькие глоссы, мы должны деньги", - таково краткое резюме двух учеников из Шартра.

На такие просьбы надлежащим ответом было, конечно же, ласковое письмо, в котором высоко оценивалось усердие и прилежание молодого человека и перечислялась требуемая сумма. Иногда студента предупреждают о необходимости умерить свои расходы - он мог бы дольше обходиться тем, что у него есть, он должен помнить о нуждах своих сестер, он должен поддерживать своих родителей, а не пытаться вымогать у них деньги, и т. д. Один отец - он цитирует Горация - оправдывает себя за то, что его виноградники не удались. Нередко случалось и так, что отец или дядя слышал плохие отзывы об ученике, и тогда он должен быть готов с возмущением опровергнуть все подобные обвинения как необоснованные измышления своих врагов. Вот пример отцовского упрека, взятый из интересной коллекции, относящейся к Франш-Конте:

"Своему сыну Г., проживающему в Орлеане, П. из Безансона шлет приветствия с отцовским рвением. Написано: "Тот, кто нерадив в работе, брат тому, кто большой расточитель". Недавно я обнаружил, что вы живете беспутно и лениво, предпочитая вольности сдержанности, игры - работе, и бренчите на гитаре, пока остальные занимаются учебой, отчего случается, что вы прочли всего один том законов, в то время как ваши более трудолюбивые товарищи - несколько. Поэтому я решил увещевать вас, чтобы вы раскаялись в своем беспутстве и беспечности, чтобы вас больше не называли расточителем и чтобы ваш позор превратился в добрую славу".

В моделях Понса де Прованса мы видим, как учитель пишет отцу ученика, что, хотя молодой человек хорошо учится, он немного диковат и ему помогло бы разумное наставление. Естественно, учитель не хочет, чтобы стало известно, что информация поступила через него, поэтому отец пишет сыну:

"Я узнал - не от твоего хозяина, хотя он не должен скрывать от меня такие вещи, а из некоего надежного источника, - что ты не занимаешься в своей комнате и не ведешь себя в школе, как положено хорошему ученику, а играешь и шатаешься, не слушаясь своего хозяина, предаваясь спорту и некоторым другим бесчестным занятиям, которые я не хочу сейчас объяснять в письме". Затем следуют обычные призывы к исправлению.

Два мальчика из Орлеана так описывают свое прибытие в этот центр обучения:

"Своим дорогим и уважаемым родителям, рыцарю М. Мартре и его жене М., сыновья М. и С., шлют приветствие и сыновнее послушание. Сообщаем вам, что по божьей милости мы живем в добром здравии в городе Орлеане и всецело посвящаем себя учебе, памятуя слова Катона: "Знать все - достойно похвалы". Мы занимаем хорошее жилище, рядом со школами и рынком, так что мы можем ходить в школу каждый день, не замочив ног. Кроме того, в доме с нами живут хорошие товарищи, хорошо успевающие в учебе и имеющие прекрасные

привычки - преимущество, которое мы очень ценим, ибо, как говорит Псалмопевец, "С человеком праведным ты покажешь себя праведным"

Такие юноши не спешат бросать учебу. Снова и снова они просят разрешения продлить срок обучения; может начаться война, умереть родители или братья, разделить наследство, , но студент всегда просит отсрочки. Он хочет "подольше послужить в лагере Палласа"; в любом случае он не может уехать до Пасхи, так как у его наставников только что начались важные курсы лекций. Ученого зовут домой из Сиены, чтобы жениться на привлекательной даме; он отвечает, что считает глупым оставлять дело обучения ради женщины, "ибо жену всегда можно найти, но науку, однажды потерянную, уже не вернуть".

Однако время уезжать, наконец, наступает, и тогда возникает большая проблема - деньги на расходы, связанные с началом учебы, или, как это тогда называлось, поступлением. Так, один парижский студент просит друга объяснить его отцу, "поскольку простота светского ума не понимает таких вещей", как в конце концов после долгих занятий ничто, кроме отсутствия денег на банкет по случаю начала учебы, не помешало ему получить диплом. Из Орлеана Д. Ботерель пишет своим дорогим родственникам в Тур, что он трудится над последним томом закона и по его завершении сможет сдать экзамен на лиценциата, если они пришлют ему сто *ливров* на необходимые расходы. Рассказ о приеме в Болонье приводился в предыдущей главе^[12].

В отличие от студенческих писем, которые охватывают все позднее Средневековье, средневековая студенческая поэзия, вернее, лучшие ее произведения, ограничены сравнительно коротким периодом, охватывающим примерно 1125-1225 годы, и тесно связаны с классической фазой ренессанса двенадцатого столетия. В основном это работа странствующих клерков того времени - студентов, бывших студентов, даже профессоров, переезжающих из города в город в поисках знаний и приключений, номинально являющихся клерками, но ведущих зачастую весьма неклерикальную жизнь. "Вдали от дома, - говорит Саймондс, - без обязанностей, с легким кошельком и легким сердцем, беспечные и ищущие удовольствий, они вели свободный, неблагоприятный образ жизни". "Они склонны, - пишет монах двенадцатого века, - бродить по миру и посещать все его города, пока много знаний не сведет их с ума; ибо в Париже они ищут свободных искусств, в Орлеане - классики, в Салерно - медицины, в Толедо - магии, но нигде - нравов и морали". Однако главным местом их обитания была северная Франция, центр нового литературного ренессанса.

Возможно, из-за неясной аллюзии на филистимлянина Голиафа, эти странствующие клерки получили имя Голиарди, а их стихи известны как голиардическая поэзия. Эта литература по большей части анонимна, хотя недавние исследования позволили идентифицировать некоторых авторов группы, в частности, магистра Хью, каноника Орлеанского, около 1142 года, называемого Приматом, и так называемого Архпоэта. Примас, язвительный, дьявольски умный, тщательно скрываемый, прославился на многие поколения как "восхитительный импровизатор, который, если бы он только обратил свое сердце к любви Божьей, занял бы большое место в божественных письмах и оказался бы очень полезным для церкви Божьей". С 1161 по 1165 год Архпоэт живет в основном в Италии, весной и летом он ходит "сам по себе", но с наступлением осени вынужден просить рубашку и плащ у своего покровителя, архиепископа Кельнского. Получив приказ за неделю сочинить эпос для императора, он отвечает, что не может писать на голодный желудок - качество его стихов зависит от качества вина:

Tales versus facio quale vinum bibo.

Хорошее вино он, должно быть, иногда находил, ибо сочинил шедевр всей школы, "Исповедь голиарда", это незабываемое описание жгучих соблазнов Павии, содержащее знаменитое прославление радостей таверны:

В публичном доме умереть

вот мое решение;

Пусть вино к устам моим приблизится

На жизненном пути;

Что заставит ангелов плакать,

С радостной речью,

"Даруй, Боже, сей верх,

Благодать и отпущение грехов!"

Хотя голиардический стих написан на латыни, он отказался от древней метрической системы ради рифмы и акцента современной поэзии, но даже лучшие из современных версий, такие как версия Джона Аддингтона Саймондса, из которой я привожу цитату, не в состоянии передать размах, напевность, ритмический поток оригинала. Ее авторы знакомы с классической мифологией и особенно с сочинениями Овидия, чьим наставлениям, скопированным даже в суровом Ключи, свободно следовали. Больше всего эта поэзия классична в своем откровенно языческом взгляде на жизнь. Ее боги - Венера и Вакх, а также Деций, бог игры в кости. Любовь, вино и весна, жизнь на открытой дороге и под голубым небом - вот общие темы; дух - это интенсивный восторг от мира, то есть радость от простого существования, такую, какую можно найти у греческих и римских поэтов или в той звучной песне более поздней эпохи, которую академический мир все еще бережно хранит,

Gaudeamus igitur iuvenes dum sumus.

В целом голиардовская поэзия носит безличный характер, в ней мало подробностей из какого-либо конкретного места, но она отражает более веселую, жизнерадостную, менее респектабельную сторону жизни средневековых клерков. Описывается благочестивый орден бродяг, открытый для людей любого состояния и любого климата, со своими правилами, которые не являются правилами, опоздавшими, игроками, бродягами, гордящимися тем, что ни один из его членов не имеет больше одного плаща на спине, просящими дорогу из города в город с просьбами о деньгах, которые звучат как студенческие письма в стихах:

Я, странствующий ученый парень,

Рожденный для трудов и печали,

Часто бываю доведен

Нищета доводит до безумия.

Литературой и знаниями я
Желал бы еще зарабатывать,
Если бы не жажда наживы
Заставляет меня прекратить обучение.
Эта рваная одежда, покрывающая меня.
Слишком тонкая и гнилая;
Часто мне приходится страдать от холода,
забыв о тепле.
Я редко могу посещать церковь,
И должным образом воспевать Божью хвалу;
По мессе и вечерне я скучаю,
Хотя я их очень люблю.
О, ты гордость Н.,
Молю тебя
Окажи помощь нуждающемуся,
Небеса непременно отплатят тебе.
Прими теперь разум свой
Как у святого Мартина;
Одеть наготу пилигрима,
Пожелай ему добра при расставании.
Так пусть Господь переведет вашу душу
В мир вечный,
И блаженство святых будет вашим
В Его царстве сверхъестественном.
Братья приветствуют друг друга в придорожных тавернах подобными песнями:
Мы в наших скитаниях,
Прожорливы и расточительны,
Тара, тантара, тейно!
Ешьте до сытости,
Пейте с приличием;
Тара, тантара, тейно!

Смеемся, пока не разобьем бока,

Тряпки на шкуры натягиваем;

Тара, тантара, тейно!

Шутить вечно,

Quaffing infernally:

Tara, tantara, teino!

и т.д.

Собравшиеся вершители судеб описаны в другом стихотворении:

Одни играют, другие пьют,

Кто-то живет, не задумываясь;

А из тех, кто шумит,

Некоторые лишаются пальто и куртки;

Некоторые получают одежду из более тонкого пера,

А некоторых и вовсе обчищают;

Никто не боится вторжения смерти,

но все пьют в подражание.

Затем они кощунственно пьют один раз за всех пленников и пленниц, три раза за живых, четвертый раз за все тело христиан, пятый за усопших в вере, и так далее до тринадцатого за тех, кто путешествует по суше или воде, и последнее и неограниченное питье за короля и папу. Такая поэзия явно является выражением "влажной" эпохи.

Часто библейские и эротические, голиардовские стихи содержат большое количество пародии и сатиры. Обращаясь к публике, знакомой со Священным Писанием и литургией, авторы пародируют все - Библию, гимны Деве Марии, канон мессы, как в "Мессе пьяниц" и "Офисе для азартных игроков". Одно из самых известных произведений - сатира на папство под заголовком "Евангелие от Марка из серебра". Это лишь одна из многих яростных атак на Рим, а гордыня, черствость и жадность высшего духовенства показаны в "Голиасе-епископе". В целом точка зрения - это точка зрения низшего духовенства, особенно более свободного, бродячего, недисциплинированного элемента, который часто посещал школы и дороги, *жонглеров* клерикального мира, знакомых субъектов церковного законодательства с девятого века.

Поэзия такого рода настолько противоречит общепринятым представлениям о Средневековье, что некоторые авторы отрицают ее средневековый характер. "Она, - говорит один, - средневековая только в хронологическом смысле", в то время как другие находят в ней близкое родство с духом Ренессанса или Реформации. Было бы более созвучно духу истории расширить наши представления о Средневековье, чтобы они соответствовали фактам средневековой жизни. Гольярди не были ни гуманистами до Ренессанса, ни реформаторами до Реформации; они были просто людьми Средневековья, писавшими для своего времени. Если труды этих северных и преимущественно французских клерков кажутся

предвосхищением итальянского Ренессанса, возможно, дело в том, что Ренессанс начался раньше и был менее специфически итальянским, чем принято считать. Если авторы более светские, даже более приземленные, чем мы ожидаем от клерков, мы должны научиться ожидать чего-то другого. В лирической поэзии, как и в эпосе и драме, мы все больше узнаем о тесном взаимопроникновении мирского и церковного миров, уже не разделенных герметичными перегородками, которые ставило воображение более позднего времени. И независимо от того, был ли их дух мирским или церковным, Гольярди, безусловно, были людьми; они остро видели и чувствовали жизнь, и писали о том, что знали.

Пришло время восстановить баланс, сказав пару слов о менее навязчивом элементе - хорошем студенте. "Жизнь добродетельного студента, - говорит Дин Рэшдалл, - не имеет летописей"[13], и во все века он был менее заметен, чем его более щеголеватые собратья. Таким образом, идеальный ученик проповедей - это немного бесцветный, но послушный, почтительный, жаждущий учиться, усердный на лекциях и смелый в спорах, размышляющий над уроками даже во время вечерних прогулок у реки. Идеальный ученик пособий - это тот, кто выполняет их предписания на практике. Типичный ученик писем уже описал себя как полностью посвятившего себя учебе, хотя и испытывающего некоторую нехватку денег. Хороший студент стихов - такого человека не существует! Студенческая поэзия "не была сплошь вакхической, эротической или профанической"[14], но многое в ней было, и мы не должны искать здесь более серьезную сторону академической жизни. Рассказ Жана де Отевиля о бедном и трудолюбивом ученом характерен для большого класса студентов, но не для большого количества поэзии. Занятия хорошего студента лучше всего отражены в курсе обучения, его усидчивость лучше всего видна в его тетрадях и диспутах. Документы, которые касаются образовательной стороны университета, также являются источником для студенческой жизни! Замечено, что встречи выпускников в наши дни зачастую более богаты воспоминаниями о студенческих эскападах, чем о ежедневном выполнении поставленных задач. Современный студент никогда не попадает в заголовки газет как таковой, и никто не посчитал нужным снять пьесу или фильм "о хорошем студенте". Однако все, кто знаком с современными университетами, знают, что серьезный студент существует в большом количестве, и убедительно доказано, что то, чего он там добивается, отражается на его дальнейшей жизни. Так было и в Средние века. Студенты-юристы Болоньи требовали от своих профессоров обучения за их деньги. Экзамены, описанные Робером де Сорбоном, требовали серьезной подготовки. Не только профессиональный мотив был сильным стимулом к учебе в средневековом университете, но и большой энтузиазм к знаниям и активное обсуждение интеллектуальных тем. Большие университеты, по крайней мере, были интеллектуально очень живыми, в них было что-то от той "религии обучения", которая ранее позвала учеников Абеяра в пустыню, там построить себе хижины, чтобы они могли питаться его словами. Книги той эпохи в значительной степени были написаны ее профессорами, и студенты имели преимущество видеть их в процессе работы и, таким образом, пить знания из их источника. Тогда, как и сейчас, моральное качество университета зависело от интенсивности и серьезности его интеллектуальной жизни.

Если рассматривать студенческую литературу в целом, то ее самой яркой и самой разочаровывающей характеристикой является отсутствие индивидуальности. *Manuale Scholarium* написан для использования всеми учеными, которые собираются посещать студенческие университеты. Письма сделаны как можно более общими, чтобы соответствовать потребностям любого студента, которому нужны деньги, одежда или книги. Даже стихи, где мы вправе ожидать личного выражения чувств, носят общий характер,

свойственный большинству средневековых поэтических произведений; в них по большей части звучит голос класса, а не отдельных людей.

В то же время следует помнить, что эта особенность студенческих произведений, если и лишает их интереса, то повышает их историческую ценность. Историк имеет дело с общим, а не с частным, и его знания должны накапливаться путем мучительного сбора и сопоставления отдельных фактов, которые зачастую слишком малочисленны или слишком непохожи, чтобы допускать обоснованное обобщение. Однако в случае с этими студенческими записями этот труд уже выполнен за него; в том виде, в котором они дошли до нас, они утратили от рук самих студентов то местное, особенное и исключительное, и стали тем, что, учитывая характер нашей информации, ни один историк не мог надеяться сделать, - обобщенным опытом многовековой студенческой жизни.

Именно это общечеловеческое качество придает произведениям средневекового студента особый интерес для современного мира. По содержанию, хотя и не по форме, многие из них почти так же репрезентативны для современного Гарварда или Йеля, как и для средневекового Оксфорда или Парижа. Латинские диалоги и диспуты, болонская грязь и денежные менялы на Гран-Понт - все это, конечно, относится к Средним векам, а не к нашему времени; но деньги и одежда, комнаты, учителя и книги, хорошее настроение и дружеское общение были предметом интереса во все времена и во всех местах. Один профессор истории как-то сказал, что самая большая трудность в преподавании истории заключается в том, чтобы убедить учеников, что все события прошлого происходили не под луной. Средние века очень далеки от нас, в некоторых отношениях даже дальше, чем классическая древность, и очень трудно осознать, что мужчины и женщины, тогда и сейчас, в конце концов, одни и те же люди. Нам нужно постоянно напоминать, что основополагающие факторы развития человека остаются во многом неизменными из века в век и должны оставаться таковыми до тех пор, пока человеческая природа и физическая среда остаются такими, какими они были. В своих отношениях к жизни и учебе средневековый студент гораздо больше походил на своего современного преемника, чем принято считать. Если его окружение было другим, то проблемы были теми же; если его мораль была, возможно, хуже, то его амбиции были такими же активными, его соперничество таким же интенсивным, его желание учиться таким же острым. И для него, как и для нас, интеллектуальные достижения означали членство в этом нерукотворном городе букв, "древней и всеобщей компании ученых".

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

I

Стандартным трудом по средневековым университетам является Hastings Rashdall, *The Universities of Europe in the Middle Ages* (Oxford, 1895; готовится новое издание), которому я буду обязан на протяжении всего времени. Более позднюю литературу легче всего найти в L. J. Paetow, *Guide to the Study of Mediaeval History* (Berkeley, 1917). Важные материалы удобно найти в переводе в D. C. Munro, *The Mediaeval Student* (Philadelphia, 1895); и A. O. Norton, *Readings in the History of Education: Средневековые университеты* (Кембридж, Массачусетс, 1909). В Болонье теперь есть картотека и специальная серия "*Studi e Memorie*" (обе с 1907 г.);

муниципальная история раннего периода изучена А. Хесселем, "*Geschichte der Stadt Bologna von 1116 bis 1280*" (Берлин, 1910). Свет на Салерно недавно пролили исследования Джакозы и Судхоффа и диссертации учеников Судхоффа; его самый популярный продукт, "*Школа Салернума*", можно прочитать в причудливой английской версии сэра Джона Харрингтона, недавно переизданной (Лондон, 1922) с хорошим примечанием Ф. Х. Гаррисона и менее ценным предисловием Фрэнсиса Р. Паккарда. Парижу все еще не хватает современного историка; Маллингера по-прежнему является стандартным трудом по Кембриджу; а Оксфорд лучше всего изучать по Рашдаллу, дополняя его, как и в случае с Кембриджем, историями нескольких колледжей.

II

Наиболее полезным общим трудом о содержании средневекового образования является Henry Osborn Taylor, *The Mediaeval Mind* (третье издание, Нью-Йорк, 1919). Она может быть дополнена Р. Л. Пулом, "*Иллюстрации к истории средневековой мысли и обучения*" (второе издание, Лондон, 1920); М. Грабманном, "*Geschichte der scholastischen Methode*" (Фрайбург, 1909-11); сэром Дж. Sandys, *History of Classical Scholarship*, I (третье издание, Кембридж, 1921); Lynn Thorndike, *History of Magic and Experimental Science* (New York, 1923); Pierre Duhem, *Le système du monde de Platon à Copernic*, II-V (Paris, 1914-17); Charles H. Haskins, *Studies in the History of Mediaeval Science* (в печати, Harvard University Press); стандартные истории философии, математики, права, и медицины; а также более специальная литература в "*Путеводителе Паэтоу*", включая его собственное исследование "*Курс искусств*" (Урбана, 1910) и его издание "*Бытвы семи искусств*" (Беркли, 1914). Образец абеляровского "*Sic et Non*" см. в Norton, *Readings*, pp. 20-25. Метод Абеляра можно проследить в логических сочинениях, впервые отредактированных Б. Гейером в Baeumker's *Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters*, XXI (Münster, 1919 ff.). Лучший рассказ о классных комнатах средневекового университета - F. Cavazza, *Le scuole dell'antico studio bolognese* (Milan, 1896). Книга Робера де Сорбона "*De conscientia*" издана Шамбоном (Париж, 1903).

III

Краткие очерки студенческой жизни можно найти в последней главе Рашдалла и в небольшом томе Р. С. Рэйта "*Жизнь в средневековом университете*" (Кембридж, 1912). В этом тексте я свободно опирался на свою статью о студенческих письмах (*American Historical Review*, III, pp. 203-229) и на статью о парижских проповедях (ib., X, pp. 1-27). *Словарь* Джона Гарланда можно найти в T. Wright, *A Volume of Vocabularies* (London, 1882), pp. 120-138; он также написал *Morale Sclorum*, издание которого готовит Paetow. *Manuale Sclorum* был переведен и аннотирован Р. Ф. Сейболтом (Harvard University Press, 1921). *Statuta vel Precepta Sclorum* были отредактированы М. Вайнгартном (Меттен, 1894) и П. Бахлманном в *Mitteilungen der Gesellschaft für deutsche Erziehungs- und Schulgeschichte*, III, pp. 129-145 (1893). Последнее обсуждение средневековых руководств по манерам принадлежит С. Гликелли, в *Romania*, XLVII, pp. 1-40 (1921). Лучшее отдельное собрание голиардических стихов - J. A. Schmeller, *Carmina Burana* (Breslau, 1894); лучшие переводы - J. A. Symonds, *Wine, Women, and Song*. Впоследствии два поэта были индивидуализированы: Примат - Леопольдом Делисле и В. Мейером, Архипоэт - Б. Шмейдлером и М. Манитиусом. Введение в обширную литературу голиардической поэзии см. в "*Путеводителе Паэтова*", с. 449 f.; P. S. Allen, в "*Современной филологии*", V, VI; и H. Süssmilch, *Lateinische Vagantenpoesie* (Лейпциг, 1917). О происхождении слова 'Goliardi' см. Джеймс Вестфолл Томпсон в "*Исследованиях по филологии*", изданных Университетом Северной Каролины, XX, стр. 83-98 (1923).

ПЯТНАДЦАТЬ:

[1] В переводе Мунро, *The Mediaeval Student*, p. 19.

[2] Переведено в E. F. Henderson, *Select Historical Documents of the Middle Ages*, pp. 262-266.

[3] Таблица в Rashdall, *Universities*, I, p. xxviii; карта в начале тома II и в Shepherd, *Historical Atlas* (New York, 1911), p. 100.

[4] E. G. Browne, *Arabian Medicine* (1921), p. 93.

[5] *Университеты*, I, стр. 254-255.

[6]

Sic heredes Gratiani
Student fieri decani,
Abbates, pontifices.

[7] Richer, I, cc. 45-54; отрывки переведены в Taylor, *Mediaeval Mind* (1919), I, pp. 289-293.

[8] Переведено в R. L. Poole, *Illustrations of the History of Mediaeval Thought*, pp. 203-212; A. O. Norton, *Readings in the History of Education*, pp. 28-34. То, что мы знаем об этих мастерах, проанализировано Пулом в "*Английском историческом обозрении*", xxxv, pp. 321-342 (1920).

[9] Paris, Bibliothèque Nationale, MS. Lat. 4489, f. 102; Savigny, *Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter* (1834), III, pp. 264, 541, 553; cf. Rashdall, I, p. 219.

[10] Alzog, *Church History* (1876), II, p. 733.

[11] MS. Lat. n. a. 619, ff. 28-35.

[12] *Supra*, p. 67.

[13] *Universities*, II, p. 692.

[14] *Ib.*, II, p. 686, прим.

ПРИМЕЧАНИЯ ТРАНСКРИПТОРА:

Очевидные опечатки исправлены.

Несоответствия в дефисном написании были стандартизированы.

Изображение обложки для этой электронной книги было создано переписчиком и является общественным достоянием.